

О. В. Сухобоков [†]

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛЫНЦЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ (2008 г.) ¹

*Может быть и обо мне услышат
Отведут одно из многих мест
Может и рецензию напишут
Краткую, как ордер на арест.*

О. Сухобоков, 1988 г.

Спираючись на власний великий досвід наукового, польового та аналітичного дослідження слов'янських пам'яток Лівобережної України, автор подає своє бачення найбільш важливих та дискусійних проблем вивчення волынцевських пам'яток: витоків та етнічної атрибуції, датування і хронології, їх місця у культурно-стратиграфічній колонії пам'яток Дніпровського Лівобережжя середини — кінця I тис. н. е.

Значна увага приділена обґрунтованому спростуванню на основі широкої джерельної бази, зокрема, і результатів масштабних досліджень Битицького городища (1984—1991, 1993 рр.), висунутої В. В. Седовим гіпотези про те, що носії іменківської культури Середнього Надволля стали основою волынцевської культури Середнього Подніпров'я. Водночас автор наголошує на впливі «інокультурного імпульсу» від тюрко- або іраномовних народів (які входили до складу Хозарського каганату і швидко асимілювалися слов'янським (сіверянським) середовищем), що проявився у своєрідності керамічного комплексу волынцевців, яких він розглядає як ранній етап літописних сіверян.

Ключові слова: волынцевська та іменківська культури, Волынцеве, Битиця, сіверяни, роменська культура, інокультурний імпульс, Хозарський каганат.

Среди спектра восточнославянских археологических культур Днепровского Левобережья середины — второй половины первого тысячелетия н. э. особое место принадлежит волынцевским памятникам, которые и ныне, несмотря на почтенное время, отделяющее нас от их первого упоминания в специальной литературе в самом начале XX в., все ещё способны вызывать дискуссии между археологами-славистами. Это находит своё объяснение в их выразительной, чисто археологической специфике, основу которой со-

ставляет керамический комплекс, представленный посудой лепной и гончарной технологии собственного производства, что резко выделяет эту группу древностей из круга синхронных славянских археологических культур. Последним, как известно, за исключением Пастырского городища, в целом была свойственна лишь лепная (от руки) технология производства керамической посуды. Специфичность волынцевской керамики заключается также и в том, что гончарная часть комплекса ни по формам, ни по технике декорирования не имеет лепных прототипов не только на Левобережной Украине, но и вообще в пределах восточнославянского расселения, как на памятниках непосредственно предшествующих, так и на одновременных иноэтнических.

И все же гончарная посуда является пусть важной и индикативной, но отнюдь не основной составляющей волынцевского керамического комплекса: его основу и преимущественное количество представляет именно лепная посуда, имеющая достаточно выразительный славянский облик, в чём совпадают взгляды большинства специалистов.

Тем не менее, несмотря на то, что по сравнению с началом 70-х годов минувшего века, источниковая база изучения волынцевских древностей значительно возросла (Сухобоков 1971; 1977), все ещё остаются дискуссионными вопросы происхождения и генетических связей этих памятников с памятниками предшествующих и последующих археологических культур. В начале 1980-х гг. определённый итог изучения волынцевских памятников был подведён С. П. Юренко в её диссертации (Юренко 1983а; 1983б), опиравшейся на несравненно возросшую источниковую базу. Так в её распоряжении оказалось уже около сотни пунктов с волынцевскими материалами на территории между городами

1. Статтю до публікації підготувала Світлана Юренко.

Брянск и Курск РФ на северо-западе и г. Лубны Полтавской области на юге, при том, что на 15 из них производились стационарные раскопки, были завершены начатые предшественниками исследования Опошнянского поселения и эпонимного комплекса близ с. Волинцево, уточнены границы распространения волинцевских памятников, в том числе и выявленных на западе ареала в пределах Киевского Правобережья (Киселевка, Ходосовка, Обухов и др.; Юренко 1985; Сухобоков, Иченская, Юренко 1976, с. 395; Кравченко, Абашина, Гороховський 1975). Одним из наиболее важных выводов диссертации С. П. Юренко стало положение о воздействии мощного инокультурного импульса, определившего специфику волинцевских древностей, что, в свою очередь, даёт возможность говорить об определённой этнокультурной неоднородности населения Днепровского Левобережья в последней трети I тыс. н. э., что предполагалось Д. Т. Березовцом и О. В. Сухобоковым на основании имеющихся в их распоряжении весьма скудных материалов (Смиленко, Юренко 1990; Березовец 1969; Сухобоков 1975).

Ныне можно утверждать, что подавляющее количество волинцевских памятников относится к числу открытых (не имеющих искусственных укреплений) поселенческих структур, расположенных поблизости от источников воды и в окружении удобных для примитивной обработки земельных угодий, преимущественно луговых чернозёмов. В этом плане они мало отличаются от предшествующих им памятников первой половины — середины I тыс. н. э. на территории Восточноевропейской равнины. В любом случае, определённые изменения в топографии и самом характере волинцевских поселений (и вообще, восточнославянских) наблюдаются лишь в конце второй четверти VIII — начале IX в. н. э.

О планировке поселений и характере застройки можно судить на основании практически полностью исследованного эпонимного поселения близ с. Волинцево, где ещё Д. Т. Березовцом (в 1948—1949, 1953, 1965—1966 гг.) было открыто 33 жилища-полуземлянки, к числу которых наши доисследования (1980—1981 гг.) прибавили ещё около двух десятков помещений жилого и хозяйственного назначения, сгруппированных отдельными компактными скоплениями. В целом для своих аналитических разработок С. П. Юренко располагала 94 жилищами из раскопок полутора десятка поселений (включительно с материалами раскопок Битицкого городища 1953 г.). В массе своей они имели свободную, в ряде случаев — кучную застройку, в которой все же трудно видеть элементы регулярной планировки домостроительства, как это, тем не менее, предполагал Д. Т. Березовец, основываясь на расположении построек вытянуто вдоль длинных сторон мыса. Наши раскопки в начале 1980-х гг. не подтвердили этого наблюдения. Напротив, исследования на участках, свободных от раскопок первоисследователя, об-

наружили бессистемное скопление сооружений в наиболее возвышенной части, в месте непосредственной смычки с плато коренного берега. На основании обработки достаточно представительной выборки жилищ С. П. Юренко пришла к выводу о преобладании сооружений каркасно-столбовой конструкции полуземляночного типа (84 %), что вполне отвечает традициям домостроительства на Днепровском Левобережье чуть ли не с I тыс. до н. э. Подавляющее количество доступных анализу жилищ, представляют собой однокамерные сооружения, углублённые от 0,6 до 1,6 м, прямоугольные в плане, ориентированные углами или сторонами по странам света, площадь которых редко превышает 25 м². Не лишним будет упомянуть, что на отдельных поселениях иногда присутствуют закруглённые в плане наземные жилища с очагом в центре или в одном из углов (Битица). При этом основным типом отопительного устройства служили печи, вырезанные в одной из стенок котлована, чаще — в материковых останцах, или — в случае отсутствия высокозалегающих пластов лёсса — в массивах специально привнесённой и сбитой спондиловой глины. В ряде случаев в быту использовались очаги в одном из углов жилища, остатки которых в виде округлых в плане площадок обожжённой глины иногда присутствуют наряду с печами описанной конструкции. Последнее чаще всего свойственно для тех из сооружений, которые объединяли в себе функции помещений жилого и хозяйственного, жилого и производственного назначения; их характерными приметами является, к тому же, наличие нескольких печей, более крупных параметров, а также специфический набор находок (крицы, шлаки, дроблёные кости, камни известняка и т. п.; Юренко 1984; Сухобоков 1992, с. 20).

Могильные древности памятников волинцевского типа представлены весьма скупо: это несколько урновых захоронений по обряду трупосожжения между сёлами Малые Будки и Константинов на Роменщине, случайно обнаруженные на пахоте в 1898 г. В. Ф. Беспальчевым и исследованные Н. Е. Макаренко ещё в начале XX в., бескурганый могильник с 17 погребениями трупосожжения в урнах в непосредственной близости от Волинцевского поселения, раскопанный Д. Т. Березовцом в конце 1940-х — начале 1950-х гг., а также разрушенный при дорожном строительстве в 1941 г. и обследованный Ю. С. Виноградским в 1948 г. аналогичный могильник близ г. Сосница (Черниговская обл.), где, кстати, были выявлены остатки площадок для трупосожжения (Макаренко 1907; Беспальчев 1911; Виноградский 1952; Березовец 1953).

К сказанному следует добавить смутные известия об аналогичных погребениях близ с. Хухра Ахтырского района, практически утраченных для науки (в местном музее хранится отличной сохранности урна гончарной технологии с характерным лощением поверхности и врезной орнаментацией, но паспортные све-

дения о данном экспонате оказались неведомо когда утерянными). Для полноты картины следует ещё указать на бескурганный могильник по обряду трупосожжения пеньковского типа неподалёку от с. Лебяжье близ г. Курск, на котором Ю. А. Липкинг был найден несколько волынцевских сосудов, в которых трудно не видеть погребальных урн. Ну, и в завершение, конечно же, нельзя не упомянуть нашей находки, сделанной при раскопках Битицкого городища в 1987 г., где во время расчистки одной из полуземлянок (№ 29) было выявлено типично волынцевское захоронение в гончарной корчаге, сопровождаемое богатым инвентарём (рис. 1, 2; Липкинг 1974; Сухобоков 1992, фото 7).

Несмотря на довольно скудные материалы, можно прийти к предварительному заключению, что типологически волынцевские погребальные древности обнаруживают близость к погребениям населения колочинского и пеньковского типа с одной стороны и памятникам роменского типа — с другой. При этом, в последних несомненно прослеживается дальнейшее развитие волынцевских традиций погребального обряда, усложнённого появлением погребальных сооружений в виде курганов, элементов которых никак не удалось проследить на собственно волынцевских комплексах.

Таким образом, несмотря на авторитетность такого исследователя-слависта, каким предстаёт его непримиримый оппонент И. И. Ляпушкин, приходится признать справедливость мнения Д. Т. Березовца, интерпретировавшего открытый им могильник как бескурганный с урновыми захоронениями результатов кремации. Это тем более верно, что в пределах территории Днепровского Левобережья в погребальной обрядности славянского населения, как это доказано фундаментальными разработками ведущих российских и украинских специалистов, курганные погребения появляются не ранее IX в. (Седов 1982, с. 138—139; 1994b, с. 290—316; Моця 1990).

Систематизацию керамической посуды волынцевских памятников в своей диссертации предприняла С. П. Юренко (рис. 3). В её распоряжении оказалось 130 целых форм и свыше 250 сосудов, поддающихся графической реконструкции и составивших достаточно представительную коллекцию для последующей классификации и типологии волынцевской керамики, которая и по сей день остаётся наиболее детальной и убедительной (Юренко 1983b, с. 76—110; Смиленко, Юренко 1990, с. 279—287). Попутно не лишним будет заметить, что, рассматривая материалы волынцевских памятников, исследователи по преимуществу основное внимание уделяли гончарной составляющей керамического комплекса; это создавало не вполне адекватное, более того — одностороннее, представление о комплексе в целом. Между тем на большинстве волынцевских поселений доля гончарной высококачественной посуды редко превышает

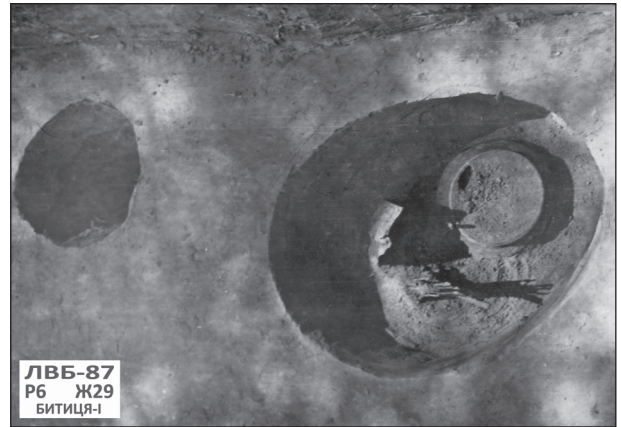

Рис. 1. Погребение в жилище 29 на Битицком городище. Раскопки О. В. Сухобокова, С. П. Юренко 1987 г.

Рис. 2. Погребальная урна и инвентарь из погребения в жилище 29 на Битицком городище. Раскопки О. В. Сухобокова, С. П. Юренко 1987 г.

10—15 % и, таким образом, вовсе не она определяет облик волынцевской керамики. Исключение составляет Битицкое городище, на котором И. И. Ляпушкин проводил небольшие раскопки в 1953 г., что позволило ему определить соотношение гончарной и лепной посуды как 9 : 1, и на этом основании говорить о наличии здесь гончарного производственного центра (Ляпушкин 1959). Наши исследования в 1984—1991, 1993 гг. показали это соотношение весьма преувеличенным, поскольку в действительности гончарная керамика здесь представлена не более, чем 60 %. Это вовсе не исключает существования гончарных комплексов — мастерских по изготовлению высококачественной посуды, хотя их несомненных остатков выявлено не было (рис. 4).

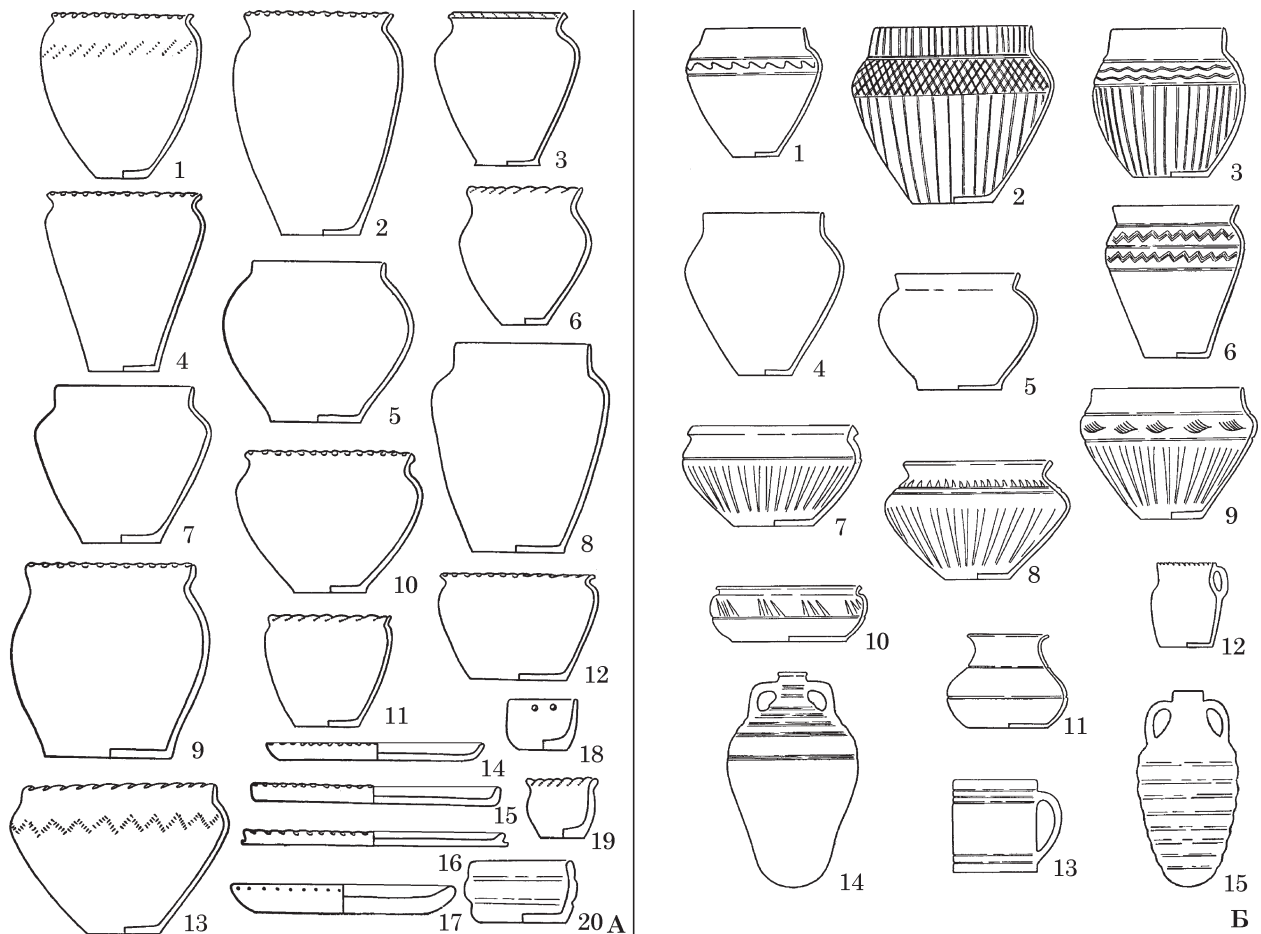

Рис. 3. Типология и классификация волынцевской керамики (по С. П. Юренко): **А** — лепная керамика: 1—9 — горшки (1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III; 4 — тип IV; 5 — тип V; 6 — тип VI; 7, 8 — тип VII; 9 — тип VIII); 10—13 — миски (10 — тип I, 11 — тип II, 12 — тип III, 13 — тип IV); 14—17 — сковородки (14 — тип I, 15 — тип II, 16 — тип III, 17 — тип IV); 18 — светильник; 19 — кубок; 20 — плочка (1, 5, 10, 13 — Новотроицкое; 2 — Опошня; 3, 8 — Ходосовка; 4 — Сосница; 6, 7, 9, 11, 12, 14—20 — Волынцево); **Б** — гончарная керамика: 1—6 — горшки (1, 2 — тип I; 3 — тип II; 4 — тип III; 5 — тип IV; 6 — тип V); 7—10 — миски (7 — тип I, 8 — тип II, 9 — тип III, 10 — редкие формы); 11 — кубышка; 12, 13 — кружки; 14, 15 — амфоры (1, 2, 4, 6, 8, 10—14 — Волынцево; 3, 5 — Новотроицкое; 7, 9, 15 — Битица)

Ведущее место в волынцевском керамическом комплексе принадлежит лепным горшкам (свыше 60 %) с хорошо профилированной верхней частью и коническим туловом. В ассортименте представлены миски, корчаги, сковородки, кружки. До 90 % лепной части керамического комплекса часто украшались зашипами, пальцево-ногтевыми вдавлениями по срезу венчика, в ряде случаев — отпечатками веревочного или гребенчато-накольчатого штампа по плечикам и венчику. В целом, насчитывается более 30 вариантов (рис. 5), в том числе и редкие орнаментальные композиции с предположительно магической нагрузкой (Юренко 1988, с. 104—109, рис. 25, 26; Сухобоков, Юренко 1997, с. 161—176, рис. 1, 2).

Форма горшка преобладает и среди гончарной части керамического комплекса, представляя собой сосуды преимущественно в виде конуса с наибольшим расширением корпуса по плечикам, переходящим в высокий вертикально поставленный горизонтально срезанный венчик. Ведущим приёмом орнаментации служит сплош-

ное или перекрёстно-полосатое лощение тулова, с врезным декором в виде беглой многорядной, часто — небрежной, волны, размещённой во фризе из двух толстых вертикально пролощено-вдавленных линий по плечикам. Довольно часто внешняя поверхность плечиков, да и самого венчика, украшались косым сетчатым лощением или широкими вертикально пролощенными полосами, что придавало сосудам особую нарядность и привлекательность. Последнее, в частности, выразилось в появлении группы изготовленных от руки сосудов, имитирующих форму и орнаментику гончарных образцов (Волынцево, Сосница). Обычно их использовали в качестве стравниц или сосудов-приставок, сопровождающих урновые погребения.

В ходе раскопок, главным образом, волынцевских поселений получена достаточно представительная коллекция орудий земледелия, промыслов, ремесла и бытовых предметов из черных металлов, значительная часть предметов вооружения воина и снаряжения боевого коня. При этом, на Битицком городище вся

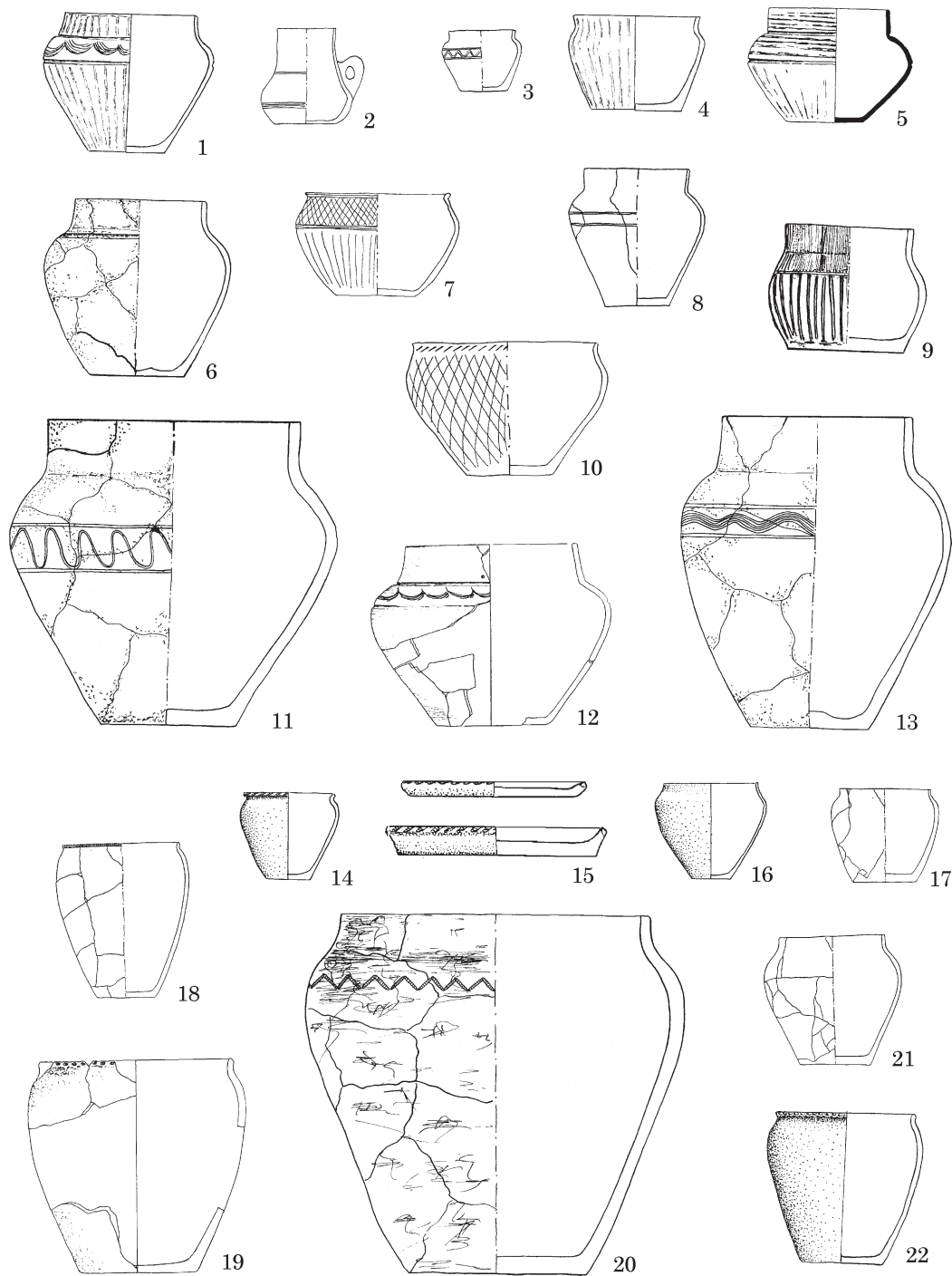

Рис. 4. Лепная и гончарная посуда с Битицкого городища. Раскопки О. В. Сухобокова, С. П. Юренко 1987—1993 гг.: 1—4, 6, 7, 9, 10, 14—17, 20, 22 — масштаб 1 : 2; 8, 11—13, 18, 19, 21 — масштаб 1 : 3; 5 — масштаб 1 : 4

номенклатура орудий земледельческого труда и вооружения встречается не в виде индивидуальных находок, а сериями, от нескольких единиц до десятков находок (рис. 6). Почти все они находят аналогии в материалах исследований на пеньковских, колочинских и ранних салтовских памятниках на территории Днепровского Левобережья. Поэтому количество полученного материала даёт основания совершенно справедливо говорить об исключительности данного городища среди всех предгосударственных памятников восточного славянства, которое в этом

отношении может быть сопоставимо разве что с Райковецким городищем, погибшим в огне в начале 40-х гг. XIII в. (Сухобоков 1992, с. 25—36, 125—133; рис. 5, 6, 15, 22, фото 1, 7; Сухобоков, Горбаненко 2001; 2002).

О наборе украшений, бытовавших в среде волынцевского населения, достаточное представление дают предметы личного убора из могильников, отдельные находки этой категории из раскопок поселений, а также тем или иным образом связываемые с носителями волынцевского типа клады. Среди них заслуживают вни-

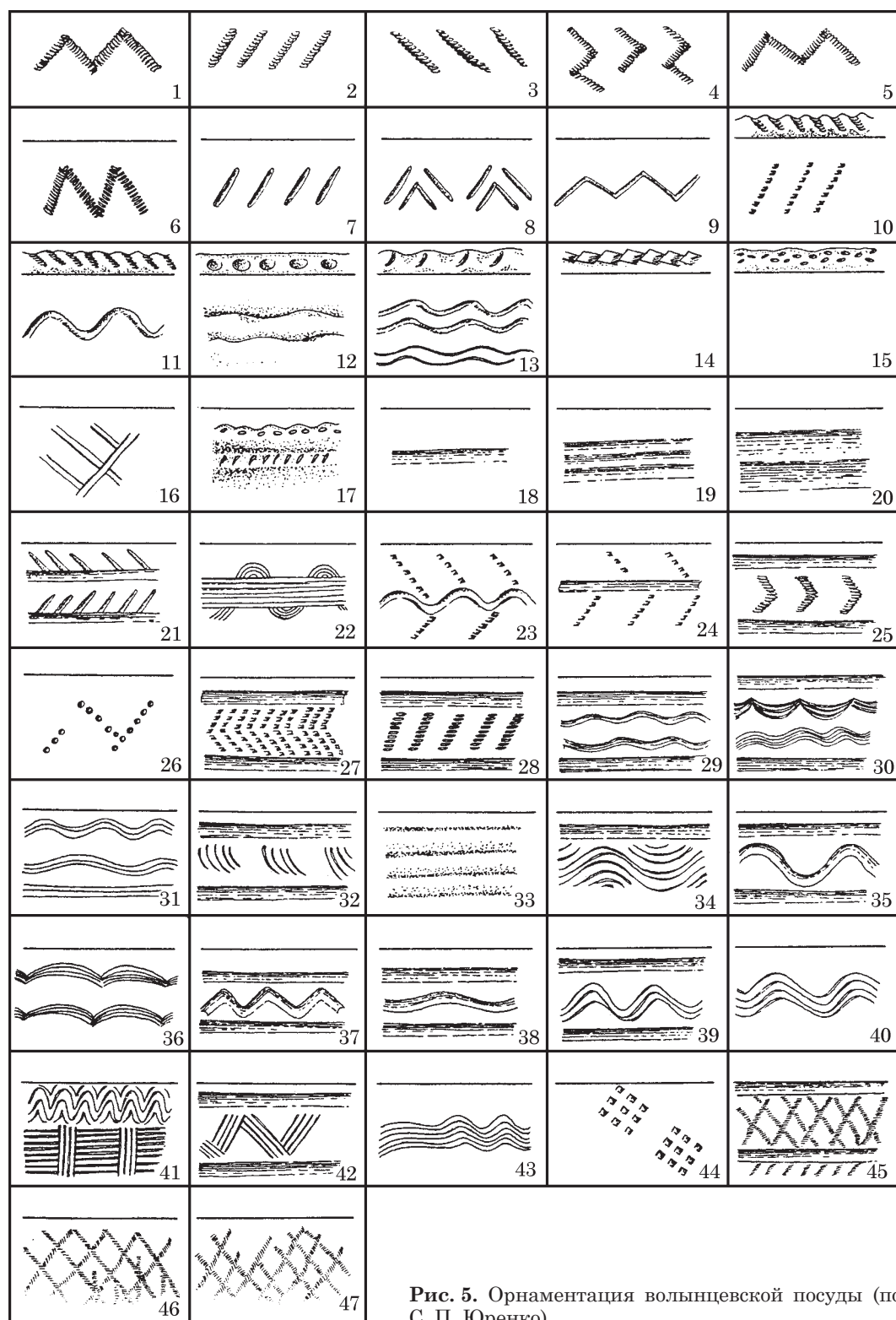
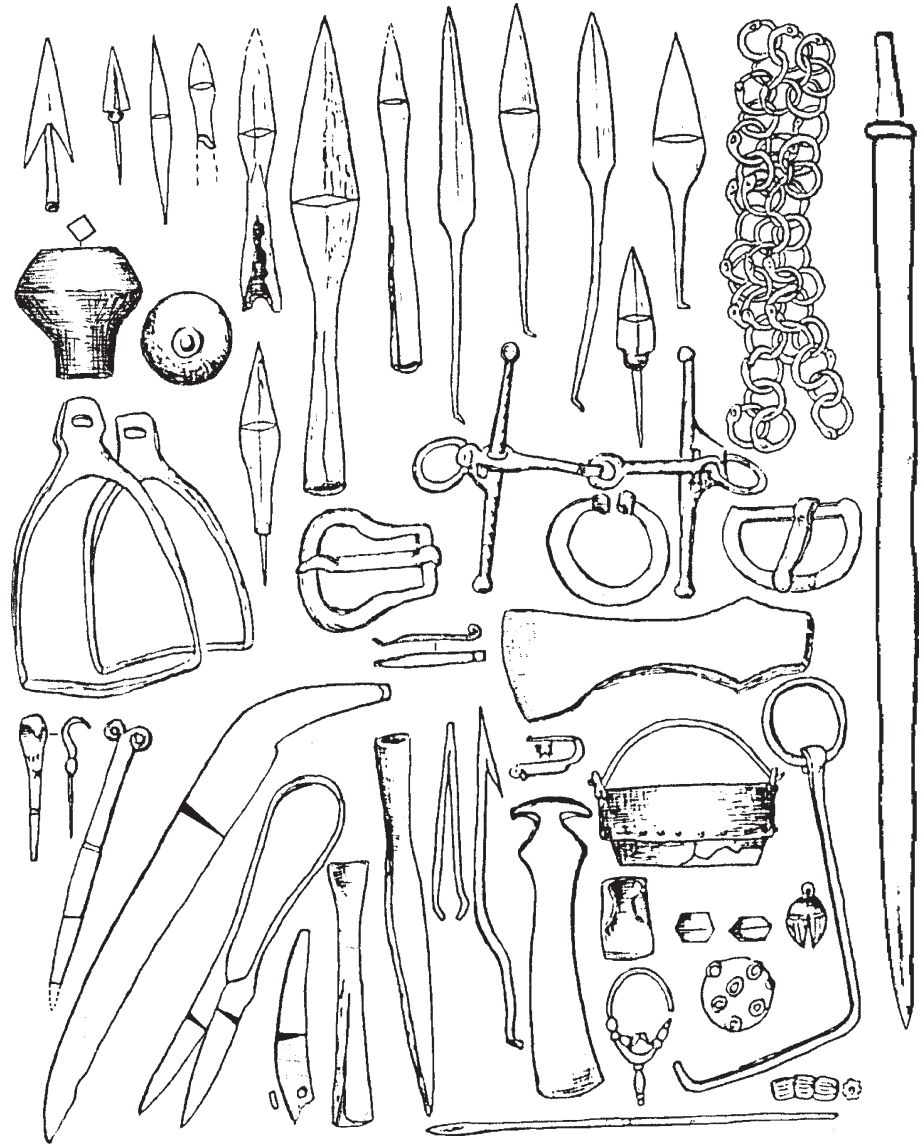

Рис. 5. Орнаментация волынцевской посуды (по С. П. Юренко)

мания Фативижский, Хариевский и Битицкие (1984 и 1987 гг.) (Козловська 1928; Березовець 1952b; Сухобоков, Вознесенська, Приймак 1989; Dekan 1979, obr. 17—19; 27; 46; 51, 52; 150, 151; Поулик 1985, с. 43; Петрашенко 1994, с. 182—183, рис. 2; 5, 11—13). В числе украшений — серебряные звездчатые и бронзовые проволочные височные кольца, плоские наручные браслеты с продольным ребром и расширенными конца-

ми, двущитовые фибулы с отчетливо выделенными головками, гривны проволочные и полые с чеканкой поверхности, пустотелые шаро- и жёлудевидные подвески с поперечными поясками зерни, фигурные поясные пряжки и другие детали воинской поясной гарнитуры, ставшие своеобразным модно-хронологическим индикатором для памятников различных племён и народов средневековья от границ Китая до преде-

Рис. 6. Вооружение, предметы снаряжения воина и боевого коня, орудия труда, бытовой инвентарь, украшения с городища Битица I. Раскопки О. В. Сухобокова, С. П. Юренко

лов Центральной Европы, и в массе датируемые в пределах VIII в. Значительное место принадлежит сердоликовым, хрустальным, халцедоновым, стеклянным многочастным и пастовым с крупными глазками бусам, получившим в это время распространение на территории Евразии.

Надо сказать, что открытие и выделение Д. Т. Березовцом особой группы славянских древностей Днепровского Левобережья было встречено весьма критически. Тут уместно вспомнить, что, за исключением памятников древнерусской культуры и несколько скептически воспринимаемой в качестве славянской (или готской?) «культуры полей погребений», в конце 1940-х гг. правом славянского, так сказать, «первородства» официально наделялись лишь открытая Н. Е. Макаренко в начале века роменская культура, изучавшаяся им до середины 1920-х гг., а также группа выявленных П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым в бассейнах Дона и Воронежа в конце тех же 1920-х гг. боршевских поселений и могильников, исследо-

вание которых до 1941 г. практически и не начиналось. Тем не менее И. И. Ляпушкиным было предложено терминологически объединить обе группы в рамках единой роменско-боршевской культуры, что впоследствии стало общепотребительным, несмотря на некорректность термина, что стало очевидным в меру дальнейшего полевого изучения этих памятников. К тому же между памятниками первой половины (черняховская культура) и памятниками предгосударственного периода конца I тыс. н. э. находилась огромная культурно-хронологическая лакуна, которая стала заполняться абсолютно новым археологическим материалом только в 1960—70-х гг., когда благодаря открытию, выделению и научной интерпретации состоялся, без преувеличения, поистине парад славянских археологических культур периода раннего средневековья (количинская, пенковская, Лука Райковецкая, Тушемля—Банцеровщина, Прага—Корчак, киевская и др.). Но в 1940—50-е гг. до этого было далеко, а общее положение славянской археологии усугублялось и тем, что

согласно установившейся точке зрения, в основу которой была положена летописная традиция, говорить об археологических славянских древностях до VIII в. (исключая «древности антов») на Левобережной Украине считалось вообще *n'est comme il faut*, если уж не предосудительным, то, по крайней мере, ненаучным (М. И. Артамонов, В. В. Мавродин, И. И. Ляпушкин и др.; Рыбаков 1939; Мавродин 1940; Ляпушкин 1947; 1968, с. 61—62; Третьяков 1953; Артамонов 1967 и др.). Тем не менее, появление волынцевских древностей вызвало чрезвычайно оживлённую полемику между археологами-славистами, которые не менее охотно подвергли критике выдвинутые Д. Т. Березовцом положения, суть которых лежала в русле автохтонизма. Согласно мнению Д. Т. Березовца, волынцевские памятники непосредственно предшествуют роменской культуре, представляя летописных северян на раннем этапе их истории, на что указывают генетически общие черты материальной и духовной культуры; соответственно, их хронология определялась VI—VIII вв., впоследствии уточнялась до VII—VIII вв., практически тем самым смыкаясь с нижней границей роменских городищ. Отсюда естественно следовало, что проблеме происхождения роменской культуры нужно было рассматривать в связи с волынцевскими памятниками. Если Д. Т. Березовец считал её безусловно автохтонной, своими корнями уходящей в более древние памятники на территории её распространения, то другие исследователи пытались искать её истоки к северо-западу от Днепровского Левобережья (Третьяков 1969; 1982, с. 7), третьи пытались вывести роменскую культуру из круга памятников пражского (корчакского) типа (Русанова 1976, с. 200). И. И. Ляпушкин вообще считал волынцевские и роменские памятники синхронными, рассматривая первые в качестве локального варианта, а не самостоятельного культурного явления, при этом воздерживаясь от конкретных суждений по вопросам этноплеменной принадлежности; вслед за ним Е. А. Горюнов склонялся к интерпретации волынцевских древностей в качестве раннего этапа роменской культуры, вместе с тем отмечая ряд общих черт волынцевских и пенёковских памятников (Ляпушкин 1961, с. 215—217, 356—366; 1968, с. 61—62; Горюнов 1981, с. 85—90). В отличие от них, М. И. Артамонов связывал волынцевские и синхронные им памятники пастырского типа с тюркскими племенами, занимавшими территорию Днепровского Левобережья в период, предшествовавший расселению славян. Не высказываясь конкретно по поводу археологических реалий в целом, известный историк и этнолог Л. Н. Гумилев придерживался аналогичного мнения, считая Днепровское Левобережье до VIII в. заселённым тюркскими племенами (Артамонов 1962, с. 289; 1967; 1969; Гумилев 1992, с. 16). Совершенно оригинальную позицию занял М. Ю. Браичевский, объявивший волынцевские памятники вместе с пастырскими

реликтом черняховской культуры, доживающей до VII в., а поскольку славянство последней для него было несомненным, то у него не было и никаких сомнений в интерпретации первых в качестве «подлинной культуры начальной Руси» (Браичевский 1968, с. 169—170).

Не менее оригинальную точку зрения в своё время высказывал В. В. Седов, согласно которому волынцевские памятники принадлежат славянизированному ираноязычному компоненту, некогда пребывавшему в рамках черняховской культуры, однако указать на конкретные поселения и могильники, оставленные этим ираноязычным субстратом, он не сумел, опираясь преимущественно на слишком скупые материалы палеоантропологии и на далеко неоднозначные данные гидронимии. Вместе с тем, В. В. Седов склонялся к признанию волынцевских памятников в качестве особой группы левобережных древностей, типологически и хронологически предшествовавших роменской культуре северян (Седов 1982, с. 133—134).

Несмотря на разнообразие приведённых воззрений по волынцевской проблеме, все существо споров между специалистами можно свести к двум основным тенденциям, одна из которых восходит к мнению Д. Т. Березовца, считавшего их безусловно славянскими, генетически родственными и предшествующими роменским по времени, вместе с последними являющимися археологическим эквивалентом левобережных славян (северян «Повести временных лет») в их имманентном развитии на территории расселения на различных этапах их истории. Эта точка зрения с определёнными коррективами автору этих строк представляется более приемлемой, как наиболее отвечающей современному состоянию данной проблемы, нежели предложенные оппонентами Д. Т. Березовца суждения. Критика последних нашла отражение в ряде наших публикаций, на которые позволим себе ссылаться ниже, по мере необходимости конкретной аргументации по конкретным вопросам.

Другая тенденция исходит из взглядов И. И. Ляпушкина, не видевшего своеобразие волынцевских памятников, рассматривавшего их в качестве синхронного локального варианта роменской культуры, проследить генетические истоки которой он не сумел ни на территории Левобережной Украины, ни за её пределами, а его попытки распространить роменские памятники в качестве некоего универсального явления на Правобережье, Молдавию и даже Подунавье не нашли подтверждения в ходе дальнейших исследований (Ляпушкин 1956). Точно также, не выдержало испытания временем и не получило поддержки научной общественностью предложенное И. И. Ляпушкиным терминологическое объединение «роменско-боршевская» культура, справедливо подвергнутое основательной критике со стороны специалистов по изучению обеих групп этих близких, но все же весьма различных, групп археологических памятников

восточного славянства (Москаленко 1965; Винников 1974; Сухобоков 1971).

Неправомерность такого объединения становилась все более очевидной по мере интенсификации полевых исследований роменских (северянских) памятников на Днепровском Левобережье, где ведущее место принадлежит масштабным разведкам и раскопкам И. И. Ляпушкина, и боршевских (вятических) древностей лесостепного Подонья, раскопки которых были предприняты А. Н. Москаленко и её учениками. Вместе с тем, наряду с их очевидными успехами, выявилась и надуманность предложенной И. И. Ляпушкиным номинации славянских памятников на крайнем востоке их расселения (роменско-боршевская культура), которая ныне выглядит, по крайней мере, историографическим анахронизмом (Сухобоков 1975, с. 152; 1992, с. 36—60; Винников 1984; 1995, с. 151—153).

И все же на страницах научной печати время от времени появляются попытки так или иначе возродить точку зрения И. И. Ляпушкина на соотношение волынцевских памятников и роменской культуры. Наиболее последовательным представителем такой позиции выступает А. В. Григорьев, который в ряде своих статей пытается доказывать не только никем не оспариваемую близость обеих групп памятников, но и, к тому же, утверждает, что они, якобы, «идентичны по своим основным характеристикам, таким как топография поселений, тип могильников, конструкция жилищ и основная часть керамического комплекса, за исключением некоторых хронологических черт» (Григорьев 1988; 1990а). К «хронологическим чертам» обратимся ниже, поскольку из контекста выяснить, что это такое не представляется возможным. Но вот против основной мысли высказывания, содержащей тенденцию не видеть очевидного, возразить придётся: волынцевские и роменские памятники обнаруживают определённое сходство по всем названным параметрам, на что неоднократно указывалось и Д. Т. Березовцом, и его последователями, которые эти черты сходства объясняли генетической преемственностью, но уж никак нельзя говорить об их идентичности, т. е. тождестве, поскольку морфологически волынцевские памятники стоят гораздо ближе к славянским культурам третьей четверти I тыс. н. э. Это проявляется в аналогичных топографии и характере поселений; никак не обнаруживают «идентичности» грунтовые погребения в урновых захоронениях остатков кремации, характерные для колочинских, пеньковских и волынцевских могильников, с одной стороны, и роменские курганные некрополи — с другой. Несмотря на общее направление развития домостроительства, отчётливо просматривается существенная разница в конструкции жилищ и отопительных устройств названных средневековых археологических культур и памятников роменской культуры.

Что же касается массового материала,ковым являются керамические комплексы, то есть

основания говорить об определённой близости волынцевских и роменских памятников, но никак не об их тождестве, при этом очевидно, что ведущие формы волынцевской лепной посуды получают своё дальнейшее развитие в посуде роменской культуры; это подтверждается и преемственностью основных приёмов орнаментики, как в технике её исполнения, так и в элементах декора (Сухобоков, Юренко 1997). Все это хорошо известно и А. В. Григорьеву, который по непонятным причинам всячески пытается запутать и без того сложную картину соотношений между волынцевскими и роменскими памятниками, кроме невразумительных «хронологических черт», вводя такую категорию археологического материала, как «пласт инородных древностей» (Григорьев 2000, с. 13—52). Мало того, что в некоторых случаях эти понятия в изложении автора выступают взаимозаменяемыми (Григорьев 2000, с. 16), а в других — «это материалы, не связанные своим происхождением с собственно роменскими», и не подумайте, бога ради, что это «импорты в полном смысле этого слова», нет, это, не что иное как «инородные древности», носителями которых оказываются анонимные представители автохтонного (?) населения, принявшие участие в формировании начальной стадии роменской культуры (Григорьев 2000, с. 14—15). Попутно возникает вопрос: если пресловутый «пласт» содержит инородные древности, то как они не могут быть импортами, если же они «инородные», то каким образом могут принимать участие в формировании начальной стадии роменской культуры, поскольку в этом процессе естественным образом утрачивается их чужеродность? Ответить на эти вопросы не представляется возможным; не даёт путеводной нити к их решению и сам изобретатель.

Что же касается автохтонов, то из последующего изложения можно понять, что в качестве таковых выступают племена колочинской и пеньковской культуры, славянская принадлежность которых считается делом давно установленным (Приходнюк 1985; 1998; Терпиловский 1985b; 1994; Седов 1994b, с. 316—318), против чего, видимо, не может возражать и уважаемый оппонент, а поскольку как «носители инородного пласта древностей» они принимают участие в формировании роменской культуры, логично было бы показать их самих по себе, установить их удельный вес и дальнейшую судьбу в категориях формирующейся культуры. А вот этого-то А. В. Григорьев сделать оказывается не в состоянии, в силу практической несостоятельности и очевидной теоретической надуманности вводимых им новаций.

Справедливости ради, следует заметить, что немногим ранее тот же автор по вопросу о соотношении роменских и волынцевских памятников высказывал, вопреки рассмотренным выше близкие к нашим мысли, усматривая в первых из них «своеобразный пласт древностей, наложившийся на раннем этапе на культуру ро-

менского типа» (Григорьев 1990b, с. 52). В такой трактовке можно было бы согласиться и с терминологическим нововведением вроде «пласта», однако при необходимом условии внесения некоторых немаловажных корректив, суть которых состоит в том, что: волынцевские памятники не «наложились» на роменскую культуру, а вместе с элементами других археологических культур левобережного славянства послужили её культурной подосновой. Придерживаясь точки зрения о безусловно славянской принадлежности волынцевских и роменских памятников, мы склонны считать, что они, будучи генетически родственными между собой, имеют местное происхождение и, в целом, представляют собой два этапа последовательного историко-культурного развития единой археологической культуры (волынцевско-роменской), своего рода археологическим «лицом» восточнославянского племенного образования на Днепровском Левобережье, известного летописцу под именем «сѣверъ» (Сухобоков 1986).

В этом случае суммарная хронология ВРК лежит в пределах рубежа VII/VIII — первой половины XI вв., при этом в ней в свою очередь, выделяются более дробные хронологические периоды, о чём нам уже приходилось писать (Сухобоков 1992, с. 16—57, 74—86; 1999, с. 34—36). Разумеется, в виду отсутствия строго датирующего материала, что особенно относится к нижней хронологической границе, обоснование рамок того или иного периода, может вызывать критические замечания со стороны коллег. Концентрация таких хронологических частных, особенно свойственная первой главе книги А. В. Григорьева, при частичном признании автором этих строк справедливости приводимых им критических аргументов (например, в отношении заниженной датировки Фативижского и Хариевского кладов), в целом существенно не повлияли на нашу общую хронологическую схему волынцевско-роменской культуры. С другой стороны, не считаем возможным согласиться с верхней границей существования роменской культуры не позднее конца первой четверти XI в., точно также как совершенно неприемлемы и аргументируемые насильственным выселением северян, высказанные уважаемым автором гипотетические причины исчезновения их памятников. Получается, что в середине XI в. северянское население Днепровского Левобережья пережило катастрофу, по своим масштабам сопоставимую с Батыевым нашествием, что в силу необъяснимых обстоятельств почему-то осталось абсолютно неизвестным летописцу (Григорьев 2000, с. 213—222). Не находят подтверждения эти супергипотетические события и в археологическом материале, обнаруживающем, напротив, естественное вращение роменской культуры в общерусскую, без сколько-нибудь значительных интервалов в историческом развитии оседлого земледельческого населения и существенных изменений в его составе на про-

тяжении X—XIII вв. Если же в ряде случаев на отдельных поселениях следы таковых и фиксируются во время археологических исследований (Горбово, Донецкое), они отнюдь не имеют универсального, в пределах всей территории Левобережной Украины, характера, будучи явлениями чисто локального свойства, вызванными причинами зачастую случайными, и уж никак не проявлением некой общей исторической закономерности.

На фоне фантастических гипотез А. В. Григорьева, почти невинной шуткой выглядит попытка В. А. Петрашенко доказать отсутствие генетической преемственности в изготовлении керамики на волынцевских и роменских памятниках, что делается путём сравнительного математического-статистического анализа керамических комплексов группы поселений киевско-каневского Правобережья с одной стороны, и Волынцевского и Новотроицкого на Левобережье — с другой. Это мотивируется, кроме всего другого, и тем, что появление волынцевских древностей «приходится приблизительно на середину VIII в., т. е. на то самое время, что и возникновение роменской культуры» (Петрашенко 1990). В ответ на эту инвективу можно заметить, что синхронность явлений отнюдь не гарантирует их идентичности, а во-вторых представляется не вполне научно-корректным сопоставление памятников различных по уровню социально-исторического развития районов, каковыми предстают украинное Днепровское Левобережье и центральная (для восточнославянской ойкумены) правобережная Киевщина.

Основываясь на своих собственных студиях изучения керамических комплексов ряда приднепровских поселений В. А. Петрашенко предлагает новое терминологическое понятие «сахновско-волынцевский» тип, при этом автор новации вполне признает наличие именно волынцевских поселений на правобережной Киевщине. Поэтому остаётся абсолютно непонятным, зачем к давно известным и гораздо более распространённым памятникам волынцевского типа добавлять определение «сахновский»? Это неоправданно, хотя бы по причине узкой локальности ареала сахновских памятников, не выходящих за пределы Поросья, и их крайней немногочисленности (немногим более десятка). Кстати заметим, что сам первооткрыватель сахновского типа керамики, О. М. Приходнюк отводил им весьма скромное место, отнюдь не придавая такого универсального значения (в пределах Среднего Поднепровья), как это делает В. А. Петрашенко (Приходнюк 1980, рис. 1; Петрашенко 1992).

Прежде всего не вызывает доверия методика предлагаемой автором типологии керамических комплексов, в особенности, когда в один тип зачисляются различные по форме сосуды. Это, например, наглядно можно видеть на рис. 3—5, 9, 10, 15, помещённых в её монографии. Отрицая генетическую связь между собственно ле-

вобережными группами памятников последней трети I тысячелетия (в данном случае, между керамикой Волынцева и Новотроицкого), автор несколькими страницами ниже противоречит сама себе, когда утверждает, что некоторые типы горшков лепной технологии (тип I согласно авторской типологии) в керамике последнего восходит к прототипу, являющемуся формой гончарного сосуда с Волынцевского поселения, которое уж конечно появляется раньше Новотроицкого. Можно было бы и не обращать внимания на подобные противоречия — мало ли их в каждом научном труде? Дело в том, что свои соображения В. А. Петрашенко подкрепляет не только общепринятым способом демонстрации материала в рисунках и графических таблицах, но и приложенными к основному тексту таблицами статистической обработки керамики VIII—IX вв. с поселений киевско-каневского Приднепровья. Последнее само по себе придаёт изложенным выкладкам необходимую солидность и видимость особой достоверности. Однако, при более внимательном рассмотрении названных приложений, можно прийти к не лишённым интереса выводам. Приведём лишь один пример. При изучении Табл. XII (распределение сосудов по показателям формы) оказалось, что наиболее близкие параметры имеют керамические комплексы Волынцева и Новотроицкого (показатели ФА-1, ФА-2, ФБ-3, ФД-1, ФД-2, ФД-3). В то же время керамика Волынцева и Сахновки обнаруживает близость только по показателям ФГ-1 и ФГ-3, но не в пример больше показателей (ФБ-1, ФБ-2, ФВ-2, ФБ-3) говорят о сходстве керамических серий Сахновки и Новотроицкого (Петрашенко 1992, с. 107, табл. XII).

Видимо, не менее интересные наблюдения можно получить и при изучении других таблиц Приложения, но в данном случае для нас очевиден факт несостоятельности предложенной В. А. Петрашенко новой таксономии «волынцевско-сахновский тип», поскольку она строится на недостаточно корректных выводах, и уже в силу только этого не может быть признана правомерной (Петрашенко 1992).

Пожалуй, одним из острейших вопросов волынцевской проблематики является само происхождение этого рода памятников, по поводу которого высказывались различные суждения, частично рассмотренные выше. Вместе с тем обращает на себя внимание почти общее признание ведущими специалистами, что их корни уходят в круг археологических культур восточнославянского мира. Придерживавшийся несколько иных взглядов на происхождение памятников волынцевского типа, гипотетически усматривавший их истоки в среде реликтового ослабленного ираноязычного субстрата в рамках черняховской культуры, В. В. Седов к середине 90-х годов резко изменил свою позицию, предложив остроумную схему, существо которой заключалось в их генетическом родстве с именьковской культурой Среднего Поволжья и Нижне-

го Прикамья (Седов 1994а, с. 128; 1994б, с. 315). Собственно говоря, идея отнюдь не блещет новизной: ещё в начале 1960-х гг. А. П. Смирнов высказывал мысль о близости волынцевских древностей с материалами раскопок В. Ф. Генинга в 1956—1957 гг. урнового могильника по обряду трупосожжения на стороне близ с. Рождественно в бывшей Татарской АССР (130 погребений), что в то время не нашло поддержки со стороны археологов-славистов (Генинг 1959, с. 208—209; 1960; Смирнов 1962). Памятники эти в этническом отношении были интерпретированы как принадлежащие местным угро-финским племенам и под названием именьковских заняли своё место в стратиграфической колонке археологических культур Поволжья и Приуралья (Старостин 1967). Однако на рубеже 1970—80-х гг. в излучине среднего течения Волги, на Самарской Луке были выявлены погребения и поселения первой половины I тыс., в материалах которых, преимущественно в керамическом комплексе обнаруживаются некоторые черты в зарубинецкой, пшеворской и черняховской культурах, что как будто бы может указывать на ранние культурно-этнические контакты Поволжья и Среднего Поднепровья. Эти памятники, предки носителей которых в III—IV вв. иммигрировали с территории Украины и, по мнению Г. И. Матвеевой, безусловно представляли славянский этнос, было предложено рассматривать в качестве раннего этапа именьковской культуры (Матвеева 1981; 1988, 2004). Такой вывод Г. И. Матвеевой о этнической атрибуции именьковского населения, отнюдь не бесспорно воспринятый специалистами (Казаков 1998, с. 110—111; Халиков 1988), был сразу же поддержан В. В. Седовым как «достаточно авторитетный». Более того, проведя собственную работу по сопоставлению «всего комплекса элементов волынцевской культуры с именьковскими» он пришёл к выводу о «значительном сходстве их, о родственности этих культур», что «может быть объяснено только тем, что волынцевское население Днепровского Левобережья (на рубеже VII и VIII вв.) пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья. Следовательно, ретроспективно носителей именьковской культуры нужно отнести к славянскому этносу» (Седов 1994а, с. 59—65). Нам это мнение уважаемого Le Grande Maître советской археологии представляется слишком категоричным по форме и не вполне научно корректным по содержанию, что заставило выступить с некоторыми публикациями, содержащими критические замечания по существу вопроса (Сухобоков 1998). Видимо, их тезисный характер не позволил В. В. Седову отнестись к ним с должной научной серьёзностью; во всяком случае, отповеди на критику в специальной литературе не последовало, что укрепляет в справедливости наших представлений о действительном соотношении волынцевских и именьковских памятников, несмотря на то, что мысли В. В. Седова нашли своих сторонников и

среди украинских коллег (Приймак 1994, с. 11; Приходнюк 1998, с. 75—76; 2001, с. 112—113).

По ближайшему рассмотрению, из всего комплекса волынцевских и именьковских памятников, В. В. Седов абстрагировал только керамику, формальное сходство которой и отвечает представлению о сходстве обеих групп древностей. В данном случае, речь идёт о сосудах с коническим туловом, наибольшее расширение которого приходится на плечики, с высоким, вертикально поставленным венчиком, часто имеющих следы грубого лощения. Вслед за В. В. Седовым, О. М. Приходнюк также утверждал, что «специфический волынцевских керамический комплекс не имеет местных корней, нет ему аналогов и среди древностей Западной, Южной и Северной Европы» (Приходнюк 1998, с. 75). Такое утверждение отнюдь не отвечает действительности: аналогичные формы присутствуют в керамике позднезарубинецких памятников (Почеп, Форостовичи) (Заверняев 1969; Третьяков 1974, рис. 18: 2), в культуре Поенешти-Лукашевка (Пачкова 1985, рис. 4: 21, 24, 25), встречаются подобные горшки на памятниках киевской, колочинской и пеньковской культурах (Терпиловский 1985а, рис. 10: 17; 1985b; Приходнюк 1985, рис. 43: 4; 55: 16; 59: 14, 18). Имеют место горшки близких пропорций и очертаний на средневековых поселениях в Германии (Дессау-Мозигкау), на территориях Чехии (Беховице) и Польши (Новая Гута-Могила; Русанова 1976, с. 145—150, рис. 55: 16, с. 129, рис. 46: 16, с. 170, рис. 65: 27). Как видим из приведённых фактов, горшки, близкие волынцевским, были распространены на территории Центральной, Западной и Восточной Европы, в том числе и на Днепровском Левобережье, появляясь там гораздо ранее предполагаемого переселения именьковцев, т. е., до рубежа VII/VIII вв. Но и в керамическом комплексе волынцевских памятников названным формам не принадлежит ведущее место: более многочисленными являются типы горшков с корпусом овоидных форм, что, если отвлечься от высокого вертикального венчика, сближает его с керамикой несомненно славянского происхождения.

Как установлен в своём своде именьковских памятников П. Н. Старостин, большинство именьковской горшковидной посуды представляют сосуды, наибольшие диаметры тулова которых расположены на 2/3 общей высоты; они имеют более крутой изгиб от шейки к плечикам, а придонные части — форму усечённого конуса, при общей высоте примерно равной наиболее расширенной части корпуса (2-й отдел). Их удельное соотношение во всей массе керамики составляют от 65,51 % (Маклашеевское 2 городище) до 95 % на Татсунчелеевском; средние показатели (от 70 до 80 %) характерны для эпонимного Именьковского I городища и для раскопанного В. Ф. Генингом Рождественского могильника. Характерно, что П. Н. Старостин подчёркивает наличие цилиндрических горловин во всех трёх

группах, но также отмечает и горшки, горловины которых представляет собой усечённый конус, т. е., не прямо вертикально, а скошено поставленный венчик. Отметим, что такие формы присутствуют и в составе волынцевской керамики; но при этом в ней совершенно отсутствуют сосуды с острым ребром на корпусе (Старостин 1967, с. 19—20, табл. 12). В целом, последних не так уж много, но они являются весьма характерными для керамики предшествовавших славянских и лбищенских памятников, которые современные исследователи склонны рассматривать как ранний этап именьковской культуры Среднего Поволжья и Южного Приуралья (Матвеева 1998).

Считаем нужным заметить, что среди именьковской керамики затруднительно отыскать полные аналогии волынцевским образцам, что особенно становится наглядным при графическом сопоставлении обеих групп памятников (рис. 7). В этом отношении гораздо больше случайных совпадений в общем облике лепных волынцевских и именьковских горшков обнаруживает Коминтерновский II могильник, более относящийся к турбаслинско-именьковскому варианту приуральских древностей, этнически связываемых с финнами и уграми Верхнего Прикамья, хронология которых определяется второй половиной VI в. (Казаков 1998, с. 110—111, рис. 4: 2, 14: 7, 17: 21; 21: 7, 25: 36, 37 и др.). Далеко не простым делом представляется выявление каких бы то ни было гончарных форм среди именьковской лепной посуды: их просто нет. Так что утверждение О. М. Приходнюка, что «в именьковском керамическом комплексе есть лепные лощёные горшки, которые можно считать прототипами гончарной волынцевской посуды» (Приходнюк 1998, с. 75), вероятно следует отнести за счёт самообмана или за счёт чрезмерной доверчивости к авторитету. Не менее существенным в плане установления сходства керамических комплексов волынцевских и именьковских памятников является отсутствие своеобразной волынцевской орнаментации в технике лощения на именьковских горшках будь то в виде композиций, или в применении каких-либо отдельных элементов декорирования. Орнаментация именьковской посуды не грешит особым разнообразием. По существу, она сводится к нанесению примитивной насечки, пальцевых зацепов, несквозных проколов под срезом венчика и в декоративном отношении несравнимо проигрывает волынцевской (Старостин 1967, табл. 24; Сухобоков, Юренко 1997, рис. 1). Наконец, следует указать, что в именьковской керамике напрочь отсутствует такая характерная для волынцевско-роменских памятников категория посуды как сковородки; сопоставление же волынцевских корчагоподобных мисок с аналогичной посудой именьковцев, показывает полное отсутствие каких бы то ни было черт сходства, если не считать таковым применение песка и дроблёного шамота в замесе глины.

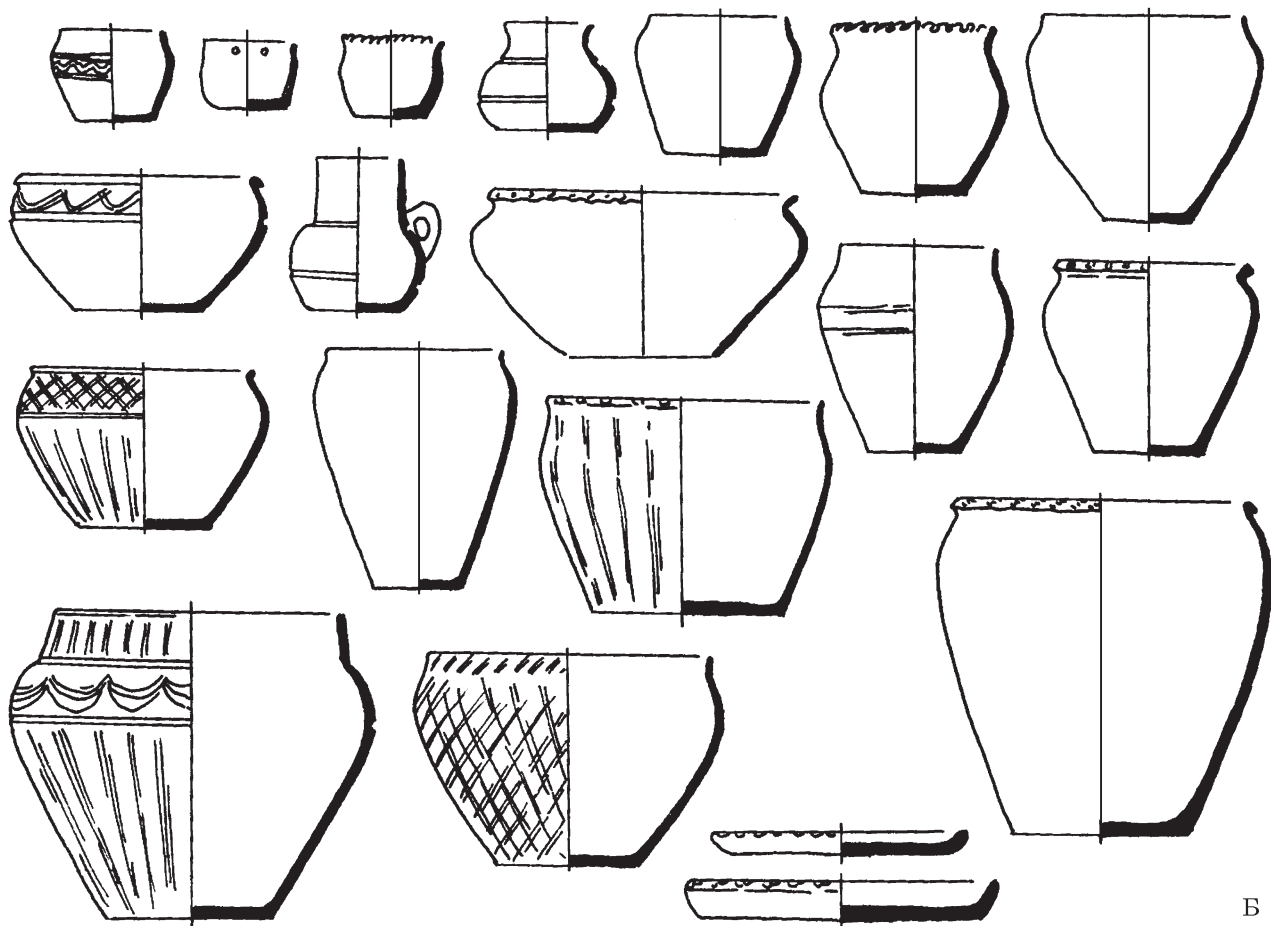
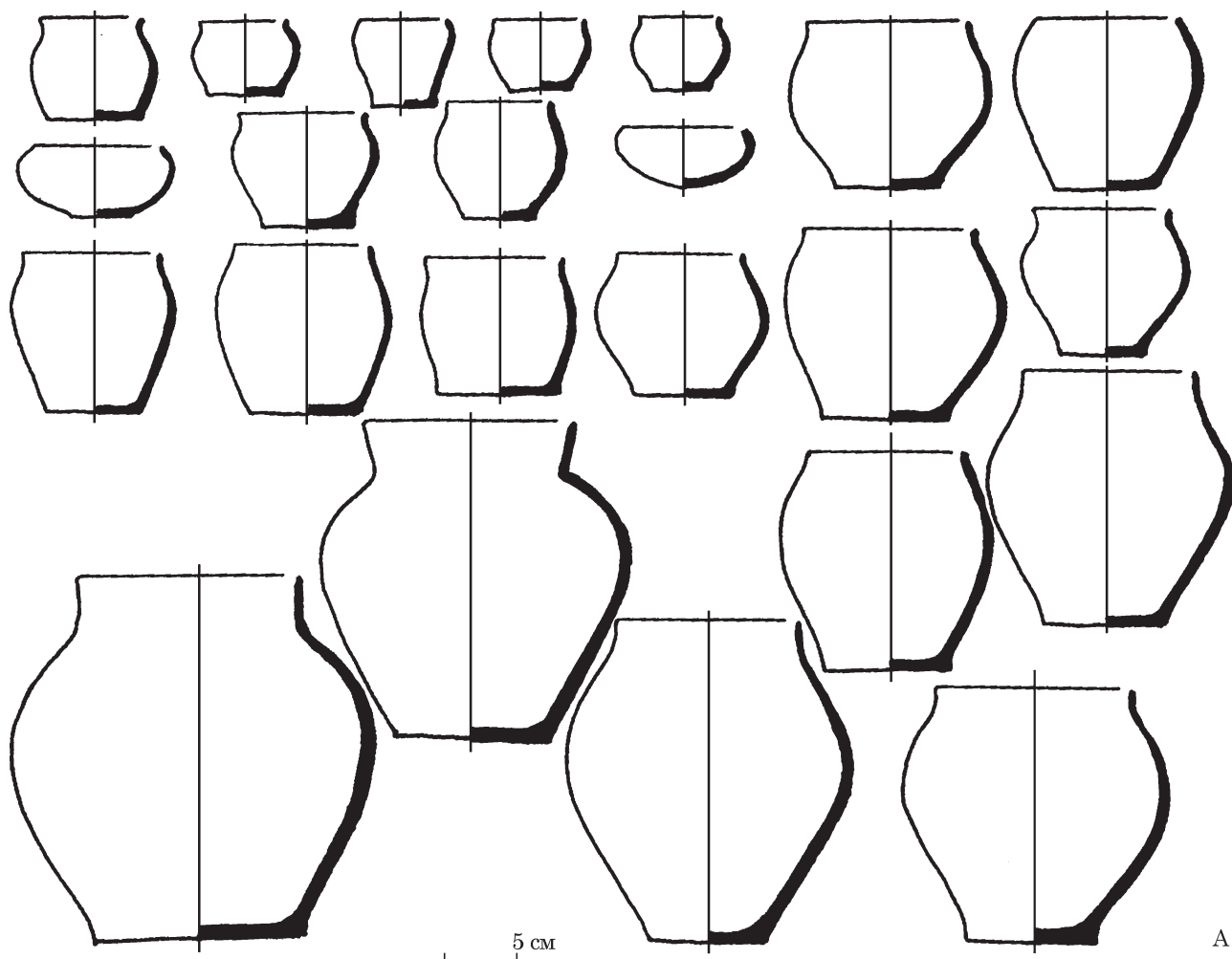

Рис. 7. Сравнительная таблица керамики: А — именьковская (по П. Н. Старостину и Е. П. Казакову); Б — волынецовская (по О. В. Сухобокову и С. П. Юренко)

Все вышесказанное по вопросу о близости керамических комплексов именьковских и волынцевских памятников неизбежно заставляет прийти к выводу о неправомерности этого тезиса: произвольно взятая в качестве абсолютно ведущей форма горшка, несмотря на видимое внешнее сходство, при внимательном рассмотрении обнаруживает гораздо больше отличий, что делает аргументацию В. В. Седова в пользу генетического родства обеих анализируемых групп древностей (Днепровского Левобережья с одной стороны и Волжско-Камского региона с другой) довольно уязвимой.

Не выдерживает придирчивой критики и тезис о близких традициях домостроительства у носителей волынцевских и именьковских памятников: на волынцевских поселениях ведущим типом жилого помещения является квадратной или прямоугольной в плане формы полуземлянка, ориентированная углами или сторонами по странам света, пол которой углублен на 0,6—1,2 м и более, в то время как аналогичной в плане формы жилища на именьковских городищах и селищах скорее относятся к числу слабо углубленных (0,3—0,5 м) или даже наземных. При том, что основным типом конструкции левобережно-днепровских жилищ была каркасно-столбовая с двухскатной крышей (Юренко 1984, с. 35—45), именьковские жилища подразделяются на два типа: с центральным столбом и четырехскатной крышей (Маклашеевское 2 городище, Степановское 2 селище, Рождественское 4 селище) (Калинин, Халиков 1954, с. 53; Генинг 1959, с. 209) и срубные (Именьковское I городище, Балымерское 5 селище) (Калинин, Халиков 1960, с. 229—230; Ефимова 1962, с. 26). Помещения срубной конструкции присутствуют и на волынцевских поселениях, но гораздо уступают своим именьковским аналогам по размерам, по площади редко превышая 30 м², в то время, когда жилища, площадью 70 м² и более, на волжско-камских именьковских городищах и селищах отнюдь не являются редкостью (Старостин 1967, с. 14; табл. 7), будучи совершенно неизвестными в славянских археологических культурах Среднего Поднепровья середины — второй половины I тысячелетия.

Весьма существенны и различия в устройстве отопительных сооружений, которые на именьковских поселениях представлены, главным образом, открытыми очагами различной конструкции, размещенными в центре жилого помещения. В большинстве случаев это — разной формы (чаще прямоугольной) сбитые из глины вперемешку с песком, прокаленные на 0,15—0,2 м площадки, иногда обносившиеся кольями. Характерно наличие очагов вне помещений. Другим типом было устройство очага в яме прямоугольных очертаний (0,9 × 0,6 м), опущенной ниже уровня пола на 0,4 м, стенки которой были обмазаны глиной, куда вмонтированы обломки известняка и туфа (Балымерское 5 селище; Ефимова 1962, с. 27). Можно предполагать, что

очаг имел какое-то перекрытие из известнякового плитняка, что, в свою очередь, позволяет видеть в нем нечто, вроде печи-каменки в виде своеобразного примитивного камина.

Ничего подобного не обнаруживается при раскопках волынцевских поселений, несмотря на то, что в ряде случаев в жилищах расчищены блюдцеобразные остатки очагов, никогда не занимавшие центрального места в жилом помещении и служившие, видимо, в качестве дополнительного источника тепла. Центральным и основным отопительным устройством у волынцевцев были сбитые из глиняных массивов (или глиняных останцов) вытянуто-кубической формы печи, свод которых собирался из специально приготовленных глиняных вальков; последние получают дальнейшее развитие в роменской культуре. Другим типом были печи, вырезанные в подбье одной из стенок котлована жилища во время его сооружения. Такого рода устройства характерны только для волынцевского этапа северянской культуры; по-видимому, они являются древнейшей формой и прототипом останцовых печей, в единичных случаях встречающихся на роменском этапе, полностью выходя из употребления к его финалу (рис. 8, 9).

Приходится констатировать, что и домостроительные традиции именьковских и волынцевских памятников, в действительности обнаруживают крайне мало данных, чтобы говорить о чертах сходства, как бы само собой предполагающих их генетическое родство.

Вряд ли кто серьезно станет отрицать, что погребальный обряд является одной из самых консервативных и, вместе с тем, определяющих составляющих само понятие «археологическая культура», который, в совокупности с другими категориями, позволяет устанавливать этногенетические связи (как и отсутствие таковых) между различными древностями как во временном, так и в пространственном отношении. Поэтому, можно было бы только приветствовать, как вполне естественную для маститого исследователя, попытку В. В. Седова сопоставить погребальные обычаи средневекового населения Среднего Поволжья и Южного Приуралья с одной стороны, и славянских племен Днепровского Левобережья — с другой. Однако вместо сопоставления, мы получаем в одном из трудов уважаемого автора краткое описание именьковских погребений без сравнительной характеристики с волынцевскими могильниками, страницей-двумя ниже подкрепленное тезисом о «родственности этих культур» (Седов 1994b, с. 312, 315). В другой же работе, автор безапелляционно высказывается, что «*новые сравнительные анализы именьковских и волынцевских могильников выявляют тождество почти во всех деталях. Единственным отличием является то, что захоронения именьковской культуры принадлежат к безурновым, в то время как в волынцевских господствуют урновые трупосожжения...* Это различие вряд ли мешает вы-

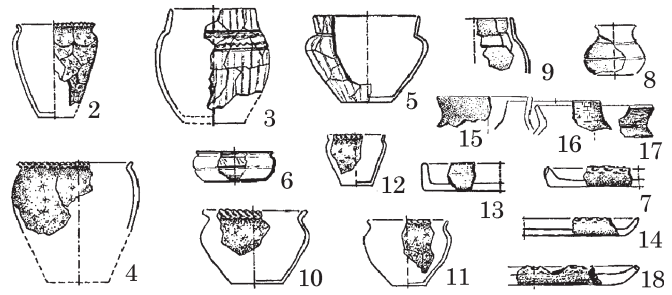
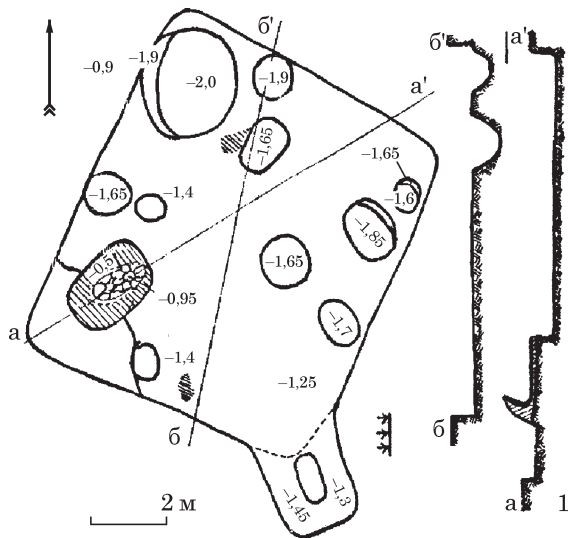

Рис. 8. Поселение Волынецово, жилище 37. Раскопки С. П. Юренко 1981 г.

воду о происхождении волынцевской культуры из имениковской» (Седов 1994а, с. 62). При этом нет ни ссылок на авторов этих новых анализов, ни хотя бы описания волынцевских погребений, пусть и в таком же общем виде, как это сделано в отношении имениковских. Из цитированного выше можно сделать лишь один вывод, что все «тождество» обеих групп погребальных древностей проявляется лишь в общем для них обряде сожжения покойного, который в разных вариантах и модификациях был весьма широко распространён на территории евразийского континента, на основании чего строить какие-то этнокультурно-генетические схемы представляется, по крайней мере, сомнительным.

Чтобы получить более чёткое представление об особенностях погребальных обычаев имениковцев и волынцевцев, необходимо обратиться, так сказать, к первоисточникам. Так, например, после раскопок Рождественского могильника В. Ф. Генинг в качестве основных черт погребального обряда выделил следующие: сожжение покойника на стороне в полном одеянии и при личном уборе; остатки кремации помещались в небольшие ямы ($0,6-0,8 \times 0,65-1,1$ м при глубине $0,6-0,9$ м и более) различной конфигурации; наличие при погребениях в ямах сосудов, не являвшихся погребальными урнами (Генинг и др. 1962, с. 90). При этом некоторые сосуды имели ошлакованную поверхность или несомненные следы вторичного обжига в виде отдельных, пережжённых до красно-бурого, пятен, что с несомненностью может указывать на их пребывание в течение какого-то времени в соответствии с требованиями ритуального действия в самом погребальном огне или же в непосредственной близости от костра с кремируемым (Генинг и др. 1962, с. 41). Аналогичная картина отмечалась исследователями и на других имениковских могильниках (Коминтерновские II и III, Измерский IX некрополи; Казаков 1993; 1998, с. 99).

В отличие от имениковских погребений, на Волынцевском могильнике ни в едином случае

Рис. 9. Битица I, жилище 36. Раскопки О. В. Сухобокова, С. П. Юренко 1988 г. Фото из архива А. Семеновко

не прослеживалось очертаний могильных ям: урны с прахом кремированных помещались в неглубокие ямки в дерновом слое ($0,2-0,3$ м от поверхности) и присыпались землёй; рядом с погребальными урнами устанавливались сосуды-стравицы, в которых остатков кремации в виде пережжённых костей или углей от погребального костра не выявлено. Судя по отсутствию следов пребывания в огне на предметах личного убранства, они вместе с очищенными от угля и золы пережжёнными костями, помещались в урны непосредственно перед погребением. И, наконец, в качестве урн в подавляющем большинстве погребений использовались высококачественные горшки гончарной технологии с характерной орнаментацией (рис. 10; Березовец 1952а, с. 248—250).

Таким образом, к действительно общим чертам имениковских и волынцевских могильников приходится отнести лишь обычай сжигать покойного в стороне от погребения. Кстати заметим, что при обследовании места нахождения Сосницкого могильника Д. Т. Березовцом обнаружены специальные сооружения для сожжения в виде площадок ($1,9 \times 1,2$ м), выложенных деревянными плахами, закреплёнными по углам четырёхугольными в сечении кольями, от которых сохранился пласт угля ($10-12$ см) с прослеживающейся структурой дерева. При расчистке здесь были найдены отдельные каль-

Рис. 10. Волынцевский могильник, погребение 2. Раскопки Д. Т. Березовца 1948 г.

цинированные кости и несколько бусин (Березовец 1975, с. 141—142). Ничего подобного нет на именковских могильниках.

Приведённый ниже рисунок, содержащий сравнительную таблицу погребений именковских и волынцевских памятников, с очевидной наглядностью демонстрирует различия в деталях погребальных обычаев тех и других, которые, по нашему мнению, настолько существенны, что говорить об их сходстве можно лишь при уж очень богатом воображении и находясь в плену надуманной этнокультурно-генетической конструкции, полагающей неперменное проис-

хождение волынцевских памятников Днепро-вского Левобережья из именковской культуры Среднего Поволжья и Южного Приуралья (рис. 11).

Вместе с тем, для нас совершенно неприемлемым представляется тезис А. В. Григорьева о «тождестве» волынцевских и роменских могильников; объединяющим моментом в данном случае служит обычай сожжения покойника на стороне (Григорьев 1990а). В действительности же, говорить об идентичности курганных роменских и бескурганных волынцевских погребений не приходится. Попытки истолкования Волынцевского могильника как курганного не имеют под собой никакого обоснования, хотя И. И. Ляпушкин и З. Д. Бессарабова придерживались именно такой точки зрения (Ляпушкин 1968, с. 61—62; Бессарабова 1973). Не выявлено насыпей и на других могильниках (Усох на Десне, Лебяжье 3, Княжинский на Сейме), синхронных волынцевским, они имеют достаточно аналогий вплоть до их совпадения почти в деталях. Однако же А. В. Григорьев возобновляет мысли упомянутых исследователей, хотя они легко опровергаются планами Волынцевского и Сосницкого могильников, само размещение погребений на которых (1—2 или 3—5 м друг от друга) исключают физическое существование могильных насыпей.

Рассмотренная выше аргументация В. В. Седова не позволяет безоговорочно принять его гипотезу о происхождении волынцевских древ-

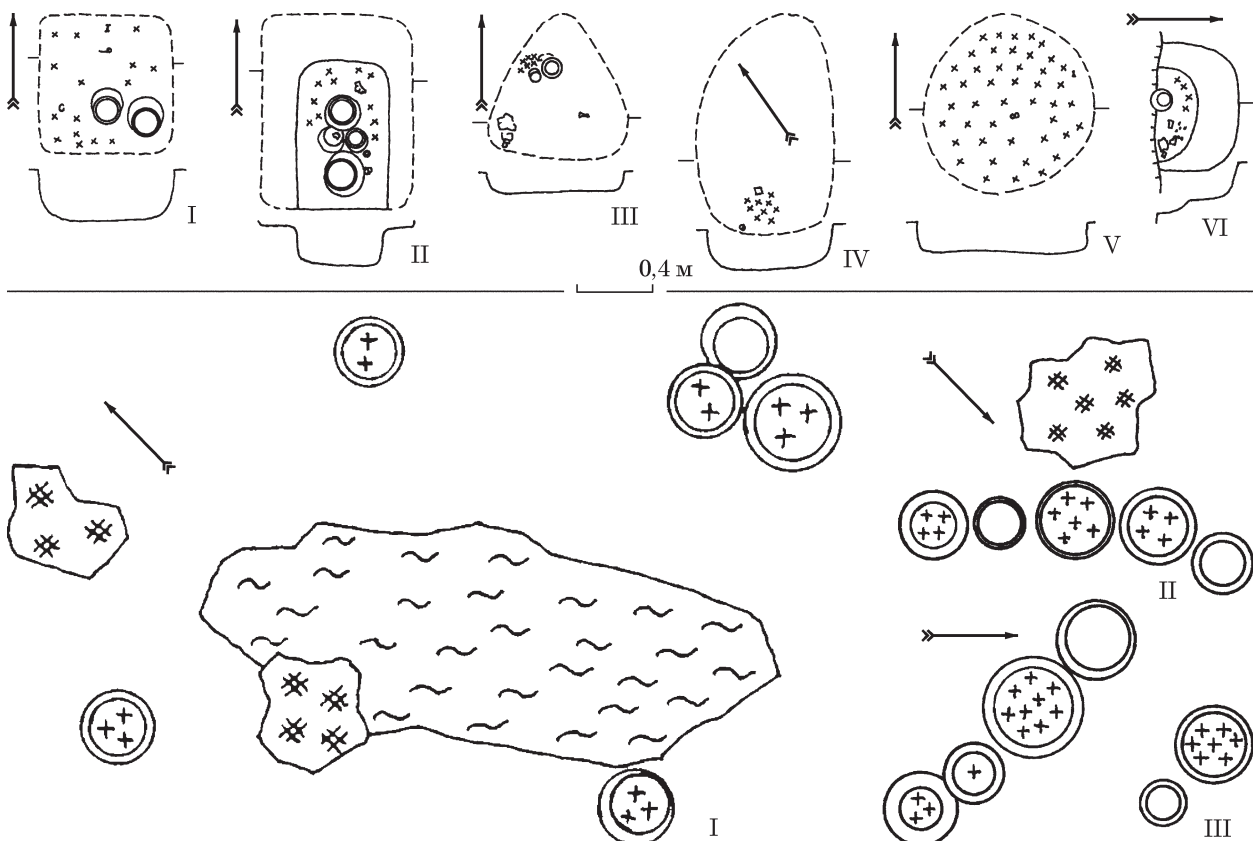

Рис. 11. Погребения из могильников: А — именковская культура; Б — волынцевская культура

ностей Днепроовского Левобережья: как видим, она очень уязвима в отношении погребальных обычаев, точно так же, как и в традициях домостроительства, которые показывают в действительности более различий, нежели черт сходства. И речь идёт о куда более существенных признаках археологической культуры, чем видимое внешнее сходство одной из керамических форм, да и эта видимость устанавливается скорее, как субъективное ощущение, почему и остаётся нужда в более весомых доказательствах в каждом конкретном случае.

Так, например, знаток именковских памятников П. Н. Старостин, ссылаясь на такого авторитетного исследователя как В. Ф. Генинг (Генинг 1964, с. 122) усматривает «особенно... поразительное сходство в фактуре, формах и примесях горшководных сосудов турбаслинско-кушнаренковских памятников и памятников именковского типа» (Старостин 1967, с. 31), при этом этническая принадлежность первых древнетюркскому этносу для В. Ф. Генинга и Н. А. Мажитова является наиболее имоверной (Генинг 1964, с. 125; Мажитов 1964). На основании чего, делается вывод, что именковская культура, вероятно, сформировалась на базе двух компонентов — местного финно-угорского и пришлого — тюркского (Старостин 1967, с. 31). Как можно видеть, абсолютизация лишь одного, пусть и ответственного, элемента одной и той же археологической культуры привела В. В. Седова и П. Н. Старостина к совершенно разным выводам относительно её этнокультурного содержания.

Не все благополучно в гипотезе В. В. Седова обстоит и с якобы массовым одномоментным переселением именковского населения на рубеже VII/VIII вв. из мест их обитания в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье на территорию Днепроовского Левобережья. Если это было бы действительно так, то следовало ожидать в это время появления новых археологических памятников, никак в культурно-генетическом плане не связанных со славянскими культурами Среднего Поднепровья, количество которых (именковская культура насчитывает более 600 памятников) несравнимо с числом ныне известных волынцевских древностей (более ста). Этого, как известно, не наблюдается.

Связывающий, как и В. В. Седов, появление в Поднепровье волынцевских памятников с движением именковцев на запад, О. М. Приходнюк считает, что переселение было не «одноразовым», а постепенным процессом. На длительном пути население сумело сохранить свои этнокультурные черты, хотя и не обошлось без их трансформации. В частности, это проявилось в появлении у них гончарной посуды «... гончарный круг у них мог появиться лишь в процессе медленного продвижения на Запад через степи или недалеко от них» (Приходнюк 1998, с. 75—76; 2001, с. 112—113). Но и предложенный О. М. Приходнюком вариант миграции имен-

ковцев в Поднепровье не спасает положения: на «длительном пути» в таком случае не могло не остаться материальных свидетельств их движения, чего не отмечено ни в степях, ни неподалёку от них, в бассейнах Дона — Воронежа или Оки. Весьма сомнительной кажется и мысль О. М. Приходнюка о приобретении гончарного круга в процессе переселения того или иного этнического образования, поскольку сама гончарная технология, в частности, техническая подготовка глиняной массы, сооружение гончарного горна и т. п. требуют в качестве неперемennого условия оседлости и стабильности общественной организации (Бобринский 1978; 1989), что вряд ли возможно в условиях даже поэтапного движения из Волго-Камья в Поднепровье.

Да и имело ли место это переселение, как таковое, вообще? Выдвигая свою гипотезу В. В. Седов исходил из того обстоятельства, что именковская культура прекращает своё существование около рубежа VII и VIII вв., когда «значительные массы населения вынуждены были оставить средневожские земли». Но, скажите на милость, кому как не В. В. Седову, без преувеличения, всеми признанному первоклассному исследователю «дюжины дюжин» археологических культур, не зная, что прекращение существования той или иной культуры, как правило, не означает и исчезновение породившего её населения? Лукавит же авторитетный специалист во имя стройности своей очень заманчивой, но, как мы старались показать выше, базирующейся на уж очень слабой и не всегда достоверной системе доказательств гипотезы происхождения волынцевских памятников Днепроовского Левобережья.

Между тем, на многих поселениях именковские и болгарские культурные слои не имеют между собой стерильных прослоек, что уже само по себе говорит о мирном включении части именковцев в состав новообразованной Вожской Булгарии (Старостин 1967, с. 32; Богачёв, Набоков 1993; Богачёв, Ермаков, Хохлов 1996), инициирующим толчком к возникновению которой, как известно, послужили события 60—70-х гг. VII в., т. е. после разгрома хазарами Великой (Кубратовой) Булгарии, следствием чего и стала миграция побеждённых на Балканы и в Поволжье (Артамонов 1962, с. 466; Новосельцев 1990, с. 190—219; Гумилев 1992, с. 19—25; Тортика 2006, с. 29—59).

С другой стороны, исследователи Волго-Камья обратили внимание на то обстоятельство, что ареал именковских памятников полностью совпадает с границами домогольской Вожской Булгарии, что, конечно же, противоречит тезису о резкой смене населения на рассматриваемой территории. Кстати, не приходится говорить о смене населения и на Балканах, где болгары Аспаруха встретили многочисленные земледельческие племена славян, довольно быстро ассимилировавшие пришельцев, хотя и принявшие имя завоевателей. Видимо, аналогичная картина имела место и в Волго-Камском регионе.

Названі аналогії наряду з тем обсто-
ятельством, що волинцевські пам'ятники пред-
ставляють лівобережних славян-северян, а само
їх імя зв'язують з іранським або тюркським
язиком, привели О. М. Приходнюка до інтерес-
ної гіпотези щодо їх названня. Оно,
по його мнению, пов'язано з могутнім, но
не занадто політично стійким, об'єди-
нням савирів, один з родів яких *«відірва-
вшись від основного ядра савірського об'єднання,
переселився у Дніпровське Лівобережжя, по-
лишивши по собі пам'ятки волинцевського типу.
Можливо, що назва савирів поступово транс-
формувалася у северян, котру й зафіксував лі-
тописець»* (Приходнюк 2001, с. 113).

Гіпотеза ця, однак, викликає заперечення.
Во-перших, абсолютно незрозуміло, на якому
основанні взагалі реальні археологічні
волинцевські пам'ятники могли бути остав-
лені савирами, археологічний облик кото-
рих нікому не відомий? Во-других, як бути
з іменьковськими древностями, тождество кото-
рих з волинцевськими для О. М. Приходнюка
нескількома сторінками вище було взагалі
очевидним? Нарешті, по свідченням того
же Прокопія, ареною діяльності савирів
було переважно Закавказзя; в северо-
кавказських степах вони також контролювали
побережжя Каспійського моря до Дербента вклю-
чительно. Територія ж Дніпровського Лівобере-
жжя, як і Середнього Подніпров'я в цілому,
перебувала поза їх полем зору (Артамонов 1962,
с. 69—78). Звичайно, куди як вигідніше було
грабувати лежачі на перехрестях торгових пу-
тей народи Закавказзя, Грузії, Арменії, полу-
чаючи при цьому, в залежності від обставин, огро-
мні контрибуції від Візантії або Персії,
чим шукати випадкової здобичі в лісах Східної
Європи. К тому ж, опинившись в межах Да-
гестану, вже к середині VII в. савири втратили
своє колишнє могутство, а на історичній арені
з'явилися нові гравці — в особу тюркських
військово-політичних об'єднань: Хазарського
царства в Закавказзі та Великої Болгарії в сте-
пах Середнього Причорномор'я.

Безсумнісно, було б історично невірним
відкидати факти мікроміграцій різних
племін в Європі в післягуннське час, в ус-
лов'ях етнічної та політичної нестабіль-
ності в степах Азово-Чорноморського басейну,
кінець якого був позначений виникненням Ха-
зарського каганату. До цього абсолютно домі-
нуючим етносом на степних просторах
були численні племена тюрків, які
активно асимілювали реліктові скифо-сар-
матоготське населення Причорномор'я, Пред-
кавказзя та Криму; останнє зазнало
асиміляції з боку славян в лісостепній
зоні, в Середньому Подніпров'ї. Археологіч-
ескі матеріальні вираження цього процесу
стали складення пенківської культури, в якій
взяв участь і певний тюркський елемент.
На захід і до северо-заходу від Дніпра не менше

активно в цей час відбувалася слов'янізація
балтів, що привело до появи генетично
близьких археологічних культур (Тушемля—
Банцеровщина), в яких серед інших
належить колочинській культурі. В ме-
жах України остання поширилася до
верхов'я Сейма, Псла, Ворскли та Середнього
Дністра. Пенківська та колочинська культурні
формування межували між собою в нижньому
Подніпров'ї і по середньому течію р. Сули. Оп-
ределені риси подібності між ними (гораз-
до в більшій мірі, ніж надумане тотож-
ство волинцевських та іменьковських пам'яток!)
звичайно відносять до їх загального походження
з древностей киевської культури (Горюнов
1981; Терпиловський 1994; Седов 1994b, с. 316—
318; Приходнюк 1998, с. 72—77).

Малоймовірно, щоб лівобережні слов'я-
не удержалися від участі в загальнослов'янському
руху до меж Європи на Балканському полу-
острові. Найімовірніше, саме в процесі цього
руху і наступного розселення в дунай-
ських провінціях вони мали власне
племінне ім'я «сѣверъ». Нам пред-
ставляється більш переконливим тлумачення цього
етноніма великим сучасним лінгвістом-
слов'яністом О. Н. Трубачевим, який дійшов до
висновку, що *«...в древньому слов'янському мові (опре-
деление) ... “северный” тождественно нашему
“левый” было... актуальным и для географической
ориентации и для номинации. Последнее
достаточно вспомнить в связи со среднедунай-
скими северянами, которые были одновременно и
дунайским левобережным племенем...»*
(Трубачев 1993, с. 299—300). Автору цих рядків
здається, що не буде занадто великою
історичною помилкою з одного боку, і
порушенням законів елементарної логіки — з
другого, інтерполяція висновку О. Н. Труба-
чева на цікавлячий нас територію, де
розселилися по лівим притокам Дніпра оби-
тателі, ймовірно, називаючи себе (север) янами
самим позиціонували географічно
(пространствений аспект), а в етнокультурному
аспекті одночасно були східнослов'янським
племінним формуванням.

В користь історичної імовірності саме
такого положення речей, можна згадати, що
етимологія самого слова «сѣверъ», якщо
верити спеціалістам порівняльного мовознав-
ства, походить з давньоіранського кореня «seu»
(чорний) і семантично є реліктом
архаїчної кольорової системи простран-
ство-географічної орієнтації, т. є., моделю-
вання зримого світу у багатьох народів Європи,
в значенні «северний» (Лелеков 1978, с. 15—17;
Рыбаков 1987, с. 350—352; Фасмер 1987, с. 253).
Цьому взагалі не суперечить їх відносно
географічно більш північне розміщення на
території Подніпров'я.

Нам представляється, що запропонована нами
версія походження племінного імені ле-

вобережного славянства в большей степени отвечает современному уровню развития как археологии, так и славянского языкознания, чем поиски случайных созвучий в названиях древних тюрко-ираноязычных племён.

Обращаясь к хронологическо-стратиграфической колонке археологических древностей Днепровского Левобережья I тыс. н. э. можно наглядно видеть, что гончарная посуда волынцевского типа резко выделяется на фоне преимущественно лепной керамики как предшествующих культур, так и роменского этапа северянской культуры (рис. 12). Только в финальном периоде последнего начинается применение гончарной технологии в изготовлении глиняной посуды. Гончарные же образцы керамики волынцевского этапа выглядят чужеродными, будучи составным элементом иной культуры, но усвоенным северянами именно на этом этапе. В то же время лепная часть керамического комплекса волынцевских памятников практически не отличается от посуды других славянских памятников широких территорий, за исключением отдельных экземпляров, имитирующих гончарные образцы. Не будет преувеличением утверждать, что прототипы лепной керамики волынцевского этапа можно без труда отыскать во всех регионах славянского расселения, будь то на Левобережье, Волыни, Подунавье, в Центральной и Западной Европе. Присутствие же чуждого элемента заставляет предполагать наличие определённого толчка, воздействие инокультурного импульса, которому подверглась культура левобережных славян на рубеже VII и VIII вв. Действие инокультурного импульса проявляется, в частности, в появлении случаев подражания формам и орнаментации гончарных сосудов, что было обычным для волынцевских и роменских памятников. По нашему разумению, названные факты отражают динамику инокультурного воздействия, наиболее выразительно проявляющегося именно на волынцевском этапе. Справедливости ради, необходимо указать, что следы инокультурного влияния в пределах рассматриваемого региона отмечаются уже на позднepenьковских памятниках (вторая половина VII в.), как это показали исследования харьковских археологов в бассейне Северского Донца (Любичев 1994).

Мы настаиваем именно на понятии «культурный импульс», тем самым отрицая гипотетическое перенесение археологической культуры откуда-то, в готовом виде; правда, здесь нужно оговориться, что исторически такие случаи имели место, но всегда как результат массовых переселений определённого этноса. Однако, напрасно искать следы таких переселений на Днепровском Левобережье на рубеже VII и VIII вв. Их просто не было, и рассматривавшаяся выше гипотеза В. В. Седова о переселении средневожского и нижнекамского населения в Поднепровье, покоится на голословном утверждении, поскольку не имеет под собой матери-

альных оснований в виде каких-либо археологических реалий. Таким образом, речь может идти лишь о весьма ограниченном во времени и пространстве импульсе, черты которого нашли своё проявление исключительно в специфической керамике гончарной технологии с характерной орнаментацией в виде техники лощения в различных модификациях в сочетании с врезной волной. Декорированию подвергалась только верхняя часть корпуса, в месте наибольшего его расширения в плечики. При этом качество перекрёстно-полосатого, сетчатого, волнистого и прочего лощения было таково, что, ознакомившись с находками Н. Е. Макаренко и В. Ф. Беспальчева с могильника между сёлами Малые Будки—Константинов (1906 г.), крупнейший на то время знаток археологических памятников А. А. Спицын отнёс их к «позднему проявлению культуры полей погребальных урн», т. е., к черняховской культуре. Последнюю в 1940—50-е гг. стало принято именовать «культурой провинциально-римских влияний», что в определённой степени отражало существо явления. И только открытие Д. Т. Березовцом Волынцевского археологического комплекса (1947—1948 гг.), заставило археологов-славистов вспомнить об этом курьёзном случае (Ляпушкин 1959). Вместе с тем пришлось обратиться к материалам раскапывавшегося ещё В. В. Хвойкой на рубеже столетий Пастырского городища, где, наряду с прочим, была выявлена специфическая керамика, близкая волынцевской по технологическим признакам и технике декорирования (гончарный круг, состав глиняного замеса, лощение), но отличавшаяся от последней шаровидностью корпуса горшков и общей приземистостью иных форм посуды. На первых порах предпринимались даже попытки объединения волынцевских и пастырских памятников в единое культурное явление, при этом напрямую связывая последние с пеньковскими древностями (Артамонов 1969, с. 8). Дальнейшее изучение обеих групп левобережных и правобережных памятников, показали ошибочность такой интерпретации, но не сняли вопроса о происхождении гончарной составляющей волынцевского и пастырского керамического комплексов. Здесь, как говорится, мнения учёных определились по нескольким направлениям: одни, вслед за Д. Т. Березовцом, склонны были искать истоки традиций в салтовской культуре, откуда они распространились в Подунавье и на Балканы (Березовец 1965, с. 55—56; Артамонов 1969, с. 1—9; Ваклинова 1977, с. 31; Димитров 1978). М. Ю. Брайчевский, концепция которого предусматривала существование черняховской культуры до VI—VIII вв., вообще не видел слишком большой разницы между шаровидными горшками Пастырского городища и аналогичной посудой более раннего культурно-археологического явления (Брайчевский 1955). Точка зрения последнего встретила серьёзные возражения ввиду все более чётко просматривающейся хронологической

Рис. 12. Хронологическо-стратиграфическая колонка археологических древностей Днепровского Левобережья I тыс. н. э.: I — позднезарубинецкие памятники; II — киевская культура; III — колочинская и IV — пеньковская культуры; V — волынцевская и VI — роменская культуры

лакуны между черняховской культурой и Пастырским городищем. Не выдержала испытания временем и версия Д. Т. Березовца по причине чрезвычайной скудости доказательного материала.

Зато его оказалось вполне достаточно именно там, где провинциально-римские влияния были наиболее ощутимыми в культурах разнородного варварского, преимущественно славянского, населения сначала позднеимперских, а затем византийских владений в южной Европе: речь идёт о Нижнем Подунавье и вообще Балканском полуострове. И О. М. Приходнюк затратил немало усилий, чтобы вслед за Ст. Ангеловой и Л. Дончевой-Петковой увидеть непрерывную традицию производства шаровидных горшков с техникой лощения, прототипы которых восходили к римскому керамическому комплексу, обогащённому аланским влиянием (Дончева-Петкова 1977, с. 31; Ангелова 1984; Ангелова, Дончева-Петкова 1990; Приходнюк 2005, с. 63—69, 87—88). Эти выводы, явившиеся результатом многолетней разработки пастырской проблемы, вполне заслуживают доверия, чего никак не скажешь о попытках решить проблему происхождения волынцевских памятников путём механического перемещения носителей именьковской культуры на Днепровское Левобережье (Приходнюк 2001, с. 110—113). Между тем, в основе пастырского и волынцевского феноменов, по нашему убеждению, находится один и тот же механизм, заключающийся в наличии инокультурного импульса, затухание воздействия которого прослеживается на роменском этапе северянской культуры, которая является новым этапом естественного развития волынцевских древностей. На правобережных памятниках такой преемственности не прослеживается: пастырских реминисценций не отыскать в реалиях культуры Луки-Райковецкой, исключая, разве что, орнаментацию врезной линией и волной, что стало едва ли не общим моментом для всех славянских археологических культур.

Поэтому, исходя из всего изложенного выше, мы считаем, что истоки инокультурного импульса в памятниках волынцевского типа, находясь в традициях гончарства полиэтнической культуры полисов и хоры позднеантичного Северного и Северо-Западного Причерноморья. Носители этого культурного импульса довольно быстро интегрируются в северянском обществе, и неславянские черты в изготовлении посуды, свойственные волынцевскому этапу, некоторое время ещё ощущаются в материалах ранних роменских горшков, но становятся практически неуловимыми в составе керамического ассортимента на финальном этапе существования культуры.

VII в. был поистине судьбоносным в истории многих народов евразийского континента. Не была исключением в этом отношении и территория Юга Восточной Европы. Здесь в первой половине столетия возникают первые военно-политические, а затем и государственные обра-

зования тюркского этноса — Хазарское царство на Северном Кавказе и Прикаспии и Великая Болгария в степях Каспийско-Черноморского бассейна. При этом последняя оказалась весьма рыхлым конгломератом болгарских племён, не обнаружившим жизнестойкости при первых испытаниях, которые принесла война с хазарами, распавшись вскоре после поражения и гибели своего основателя Кубрата и признав хазарское господство. Часть же болгарских родов не смирилась с поражением и откочевала в Поволжье и Приуралье, в то время как другая, возглавленная Аспарухом, двинулась в Добруджу и далее на Балканы. Уже в 70-е гг. новые пришельцы вступили в контакт со «славянами», как не особо различая, называли славянские племена византийские хронисты. Одно из таких объединений «Славиния семи родов» находилось в союзе с, видимо, значительным племенем «северян», которое подверглось притеснению со стороны аспарухового воинства, вознамерившегося переселить северян с обжитых мест в горы для охраны перевалов. Конфликт с воинственными пришельцами, вероятно, оказался настолько острым, что северяне недовольные переселенческой политикой Аспаруха относительно них, вынуждены были «по многих лътах» возвратиться на родину — в Днепровское Левобережье. Как известно, сам факт такой обратной миграции получил отражение в «Повести временных лет», топонимике левобережного Поднепровья, в особенности изобилующей «дунайской» ономастикой, фольклористике, этнографии (Стрижак 1971; Мачинский 1981; Трубачёв 2003, с. 105—112).

Археологическим свидетельством этой микромиграции, в частности, являются украшения провинциально-византийского происхождения в материалах наших раскопок Битицкого городища, а также в составе Фативижского, Хариевского (Днепровское Левобережье) и других близких по стилю и времени кладов из Среднего Поднепровья (Щеглова 1990; Приходнюк 1994; 2005, с. 55—57). Вероятно, к такого рода реалиям исторической жизни средневекового общества восточных славян и принадлежит такой феномен, каким, безусловно, являются пастырские и волынцевские древности.

Высказанная версия ранней истории левобережно-днепровских северян вовсе не исключает и иных эпизодов, начальным толчком которых послужили трагические события в степях Северного Причерноморья, когда, спасаясь от преследования хазар, некоторые болгарские роды сочли нужным укрыться в лесах Среднего Поднепровья, в том числе и на Днепровском Левобережье, где на обжитых местах оставалось уклонившееся от участия в дунайско-балканском движении славянское земледельческое население. В пользу имовренности вынужденных откочёвок к истокам левых притоков Днепра говорит хотя бы факт перекрытия пенёковского (с субстратными материалами киевской культу-

ры) поселения близ с. Рябовка 3 на р. Ворсклица погребениями ранних кочевников, в которых трудно не видеть болгар. Авторы раскопок памятника Р. В. Терпиловский и А. М. Обломский датировали погребения в рамках второй половины VII в. (Терпиловский 2004, с. 64), тем самым ограничивая существование пеньковского селища. Безусловно, такой эпизод вряд ли был единичным, по существу отражая имевшее место явление, которое в Поволжье и Приуралье привело к сложению независимой Волжской Булгарии (30-е гг. X в.), а на Балканском полуострове к образованию Первого Болгарского царства, просуществовавшего с рубежа VII и VIII вв. до первых десятилетий XI века.

[На цьому текст обірвався... як і життя його автора]

май 2008 года

ЛІТЕРАТУРА

- Ангелова, Ст. 1984. Местни традиции във формирането на битовата керамика в Североизточна България през VII—X вв. *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет*, 77, с. 71-118.
- Ангелова, Ст., Дончева-Петкова, Л. 1990. Традиции в прабългарската излъската керамика. *Добруджа*, 7, с. 62-70.
- Артамонов, М. И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Артамонов, М. И. 1967. Вопросы расселения славян и советская археология. В: Ревуненков, В. Г. (ред.). *Проблемы всеобщей истории: историографический сборник*. Ленинград: ЛГУ, с. 29-69.
- Артамонов, М. И. 1969. Этническата принадлежност и историческое значение на пастырската культура. *Археология*, 3, с. 1-10.
- Березовец, Д. Т. 1952а. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. *Археологічні пам'ятки УРСР*, III, с. 242-250.
- Березовец, Д. Т. 1952б. Харівський скарб. *Археологія*, 6, с. 109-118.
- Березовец, Д. Т. 1953. Археологические памятники летописных северян. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, 2, с. 25-26.
- Березовец, Д. Т. 1965. Слов'яни й племена салтівської культури. *Археологія*, 19, с. 47-67.
- Березовец, Д. Т. 1969. *Северяне (перед образованием Киевской Руси)*. Автореферат диссертации к. и. н. Москва: ИА АН СССР.
- Березовец, Д. Т. 1975. Лівобережжя Дніпра (пам'ятки волинцевського та роменського типів). В: Бібіков, С. М. (ред.). *Археологія Української РСР*. III: Ранньослов'янський та давньоруський періоди. Київ: Наукова думка, с. 136-150.
- Бессарабова, З. Д. 1973. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 15: Материалы по археологии Европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья, с. 65-85.
- Беспальчев, В. Ф. 1911. Поля погребений в Роменском уезде Полтавской губ. В: Уварова, П. С. (ред.). *Труды XIV археологического съезда в Чернигове*. 3. Москва: Общество распространения полезных книг, с. 214-215.
- Бобринский, А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения*. Москва: Наука.
- Бобринский, А. А. 1989. Методика изучения организационных форм гончарных производств. В: Молодин, В. И. (ред.). *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: Наука, с. 10-43.
- Богачёв, А., Набоков, А. 1993. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге. В: Ковалевская, В. Б. (ред.). *Новое в средневековой археологии Евразии*. Самара: Артефакт, с. 13-18.
- Богачёв, А. В., Ермаков, С. Ф., Хохлов, А. А. 1996. Выпозловский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке. В: Сташенков, Д. А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, с. 83-98.
- Брайчевський, М. Ю. 1955. Нові розкопки на Пастирському городищі. *Археологічні пам'ятки УРСР*, V, с. 73-76.
- Брайчевський, М. Ю. 1968. *Походження Русі*. Київ: Наукова думка.
- Ваклинова, С. 1977. *Формиране на старобългарската култура VI—XI век*. София: Наука и изкуство.
- Винников, А. З. 1974. *Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (по керамическому материалу)*. Автореферат диссертации к. и. н. Москва: ИА АН СССР.
- Винников, А. З. 1984. *Славянские курганы лесостепного Дона*. Воронеж: ВГУ.
- Винников, А. З. 1995. *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье*. Воронеж: ВГУ.
- Виноградский, Ю. С. 1952. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосницы. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, I, с. 50-52.
- Генинг, В. Ф. 1959. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. *Труды Казанского филиала ИА СССР*, серия гуманитарных наук, 2, с. 157-219.
- Генинг, В. Ф. 1960. Селище и могильник с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии. В: Смирнов, А. П. (ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции*. III. Материалы и исследования по археологии СССР, 80. Москва: АН СССР, с. 131-144.
- Генинг, В. Ф. 1964. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. В: Кузеев, Р. Г., Сальников, К. В. (ред.). *Археология и этнография Башкирии*. 2. Уфа: АН СССР, с. 111-129.
- Генинг, В. Ф., Стоянов, В. Е., Хлебникова, Т. А., Вайнер, И. С., Казаков, Е. П., Валеев, Р. К. 1962. *Археологические памятники у с. Рождествено*. Казань: КазГУ.
- Горюнов, Е. А. 1981. *Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья*. Ленинград: Наука.
- Григорьев, А. В. 1988. О роменской культуре в Среднем Подесенье. В: Толочко, П. П. (ред.). *Чернигов и его округа в IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка, с. 65-74.
- Григорьев, А. В. 1990а. К вопросу о погребальном обряде северян VIII — начала XI вв. В: *Питання археології Сумщини. Матеріали науково-практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини»*. Суми, с. 84-91.
- Григорьев, А. В. 1990б. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»*, Чернигов 26—28 сентября 1988 г. Киев: Наукова думка, с. 50-55.

- Григорьев, А. В. 2000. *Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным*. Тула: Гриф и Ко.
- Гумилев, Л. Н. 1992. *Древняя Русь и Великая Степь*. Москва: Клышников-Комаров и К.
- Димитров, Д. Ил. 1978. Некрополът при гара Разделна. *Известия на Народния Музей Варна*, XIV (XXIX), с. 120-152.
- Дончева-Петкова, Л. 1977. *Българска битова керамика през ранното средновековие (втора половина на VI — края на X в.)*. София: БАН.
- Ефимова, А. М. 1962. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. В: Смирнов, А. П. (ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции*. IV. Материалы и исследования по археологии СССР, 111. Москва: АН СССР, с. 25-48.
- Заверняев, Ф. М. 1969. Почепское селище. В: Третьяков, П. Н. (ред.). *Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье*. Материалы и исследования по археологии СССР, 160. Ленинград: Наука, с. 88-118.
- Казаков, Е. П. 1993. Новые исследования именковских памятников на Девичьем городке. В: Ковалевская, В. Б. (ред.). *Новое в средневековой археологии Евразии*. Самара: Артефакт, с. 102-106.
- Казаков, Е. П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов. В: Сташенков, Д. А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, с. 97-150.
- Калинин, Н. Ф., Халиков, А. Х. 1954. *Итоги археологических работ 1945—1952 гг.* Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань: Таткнигиз-дат.
- Калинин, Н. Ф., Халиков, А. Х. 1960. Именковское городище. В: Смирнов, А. П. (ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции*. III. Материалы и исследования по археологии СССР, 80. Москва: АН СССР, с. 226-250.
- Козловська, В. 1928. Срібний скарб часів великого переселення народів в с. Фативіж на Чернігівщині. В: Тутківський, П. А. (ред.). *Ювілейний збірник на пошану академіка М. С. Грушевського*. 1. Київ: Київ-Друк, с. 44-52.
- Кравченко, Н. М., Абашина, Н. С., Гороховський, Є. Л. 1975. Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї. *Археологія*, 15, с. 87-98.
- Лелеков, Л. А. 1978. *Искусство Древней Руси и Восток*. Москва: Советский художник.
- Липкинг, Ю. А. 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье. В: Третьяков, П. Н. (ред.). *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград: Наука, с. 136-152.
- Любичев, М. В. 1994. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в кон. VII — нач. VIII вв. *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*, I, с. 74-86.
- Ляпушкин, И. И. 1947. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. *Советская археология*, IX, с. 121-136.
- Ляпушкин, И. И. 1956. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. *Вестник Ленинградского университета*, 20: Серия истории, языки и литература, 4, с. 45-60.
- Ляпушкин, И. И. 1959. К вопросу о памятниках волынцевского типа. *Советская археология*, XXIX—XXX, с. 58-83.
- Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа*. Материалы и исследования по археологии СССР, 104. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Ляпушкин, И. И. 1968. *Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.)*. Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по археологии СССР, 152. Ленинград: Наука.
- Мавродин, В. В. 1940. *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV в.)*. Ленинград: ЛГУ.
- Мажитов, Н. А. 1964. Новые материалы о ранней истории башкир. В: Кузеев, Р. Г., Сальников, К. В. (ред.). *Археология и этнография Башкирии*. II. Уфа: АН СССР, с. 101-110.
- Макаренко, Н. Е. 1907. Отчёт об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. *Известия Археологической Комиссии*, 22, с. 38-90.
- Матвеева, Г. И. 1981. О происхождении именковской культуры. В: Матвеева, Г. И. (ред.). *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, с. 52-73.
- Матвеева, Г. И. 1988. К вопросу об этнической принадлежности племён именковской культуры. В: *Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов)*. Москва: Наука, с. 11-13.
- Матвеева, Г. И. 1998. Памятники лбищенского типа — ранний этап именковской культуры. В: Сташенков, Д. А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, с. 87-96.
- Матвеева, Г. И. 2004. *Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именковская культура*. Самара: Самарский университет.
- Мачинский, Д. А. 1981. Миграции славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). В: Корольюк, В. Д. (ред.). *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. Москва: Наука, с. 31-52.
- Москаленко, А. Н. 1965. *Городище Титчиха*. Воронеж: ВГУ.
- Моця, А. П. 1990. *Погребальные памятники южно-русских земель в IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Новосельцев, А. П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Москва: Наука.
- Пачкова, С. П. 1985. Культура Поенешти-Лукашевка. В: Баран, В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, с. 17-25.
- Петрашенко, В. А. 1990. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»*, Чернигов 26—28 сентября 1988 г. Киев: Наукова думка, с. 47-50.
- Петрашенко, В. А. 1992. *Слов'янська кераміка VIII—IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я*. Київ: Наукова думка.
- Петрашенко, В. А. 1994. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян. В: Толочко, П. П. (ред.). *Старожитності Русі-України*. Київ: Київська академія євробізнесу, с. 181-187.
- Поулик, Й. 1985. Вклад чехословацких археологов в изучение истории Великой Моравии. В:

Санчук, Г. Э., Поулик, Й. (ред.). *Великая Моравия, её историческое и культурное значение*. Москва: Наука, с. 28-49.

Приймак, В. В. 1994. *Територіальна структура межиріччя Середньої Десни та Середньої Ворскли VIII — початку XI ст.* Суми.

Приходнюк, О. М. 1980. *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст.* Київ: Наукова думка.

Приходнюк, О. М. 1985. Пеньковская культура. В: Баран, В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, с. 85-93.

Приходнюк, О. М. 1994. Про культурно-історичний зміст Харківського скарбу. В: *Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вири-Білопілья*. Білопілья, с. 6-8.

Приходнюк, О. М. 1998. *Пеньковська культура. Культурно-хронологический аспект исследования*. Воронеж: ВГУ.

Приходнюк, О. М. 2001. *Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.)*. Київ; Чернівці: Прут.

Приходнюк, О. М. 2005. *Пастирське городище*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.

Русанова, И. П. 1976. *Славянские древности VI—VII вв. (культура пражского типа)*. Москва: Наука.

Рыбаков, Б. А. 1939. Анты и Киевская Русь. *Вестник древней истории*, 1, с. 319-327.

Рыбаков, Б. А. 1987. *Язычество древней Руси*. Москва: Наука.

Седов, В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР с древнейших времён до средневековья. Москва: Наука.

Седов, В. В. 1994а. *Очерки по археологии славян*. Москва: ИА РАН.

Седов, В. В. 1994б. *Славяне в древности*. Москва: Фонд археологии.

Смиленко, А. Т., Юренко, С. П. 1990. Восточные славяне в VIII—IX вв. В: Баран, В. Д. (ред.). *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев: Наукова думка, с. 255-309.

Смирнов, А. П. 1962. Некоторые спорные вопросы истории волжских булгар. *Историко-археологический сборник МГУ*, с. 160-168.

Старостин, П. Н. 1967. *Памятники именьковской культуры*. Свод археологических источников, Д 1-32. Москва: Наука.

Стрижак, О. С. 1971. Сіверяни. *Мовознавство*, 1, с. 67-75.

Сухобоков, О. В. 1971. Про деякі проблеми вивчення роменської культури. *Археологія*, 3, с. 37-49.

Сухобоков, О. В. 1975. *Славяне Дніпровського Левобереж'я (роменська культура і її предшественники)*. Київ: Наукова думка.

Сухобоков, О. В. 1977. До питання про пам'ятки волинцевського типу. *Археологія*, 21, с. 50-66.

Сухобоков, О. В. 1986. Славянские древности последней четверти I-го тыс. н. э. Дніпровського Левобереж'я. В: Артёмченко, И. И. (ред.). *Археология Украинской ССР*. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Наукова думка, с. 191-212.

Сухобоков, О. В. 1992. *Дніпровське Лісостепове Левобереж'я у VIII—XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968—1989 рр.)*. Київ: Наукова думка.

Сухобоков, О. В. 1998. Этнокультурная история Левобережной Украины I — начала II тыс. *Археологія*, 2, с. 37-46.

Сухобоков, О. В. 1999. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян. *Археологія*, 2, с. 25-39.

Сухобоков, О. В., Иченская, О. В., Юренко, С. П. 1976. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошны. *Археологические открытия 1975 г.*, с. 395.

Сухобоков, О. В., Вознесенская, Г. А., Приймак, В. В. 1989. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища. В: Толочко, П. П. (ред.). *Древние славяне и Киевская Русь*. Киев: Наукова думка, с. 95-102.

Сухобоков, О. В., Юренко, С. П. 1997. Орнаментація волинцевсько-роменського керамічного комплексу. В: Баран, В. Д. (ред.). *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*. Київ; Львів: РАС, с. 161-176.

Сухобоков, О. В., Горбаненко, С. А. 2001. Землеробські знаряддя з городища Битиця-І. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 36-41.

Сухобоков, О. В., Горбаненко, С. А. 2002. Знаряддя переробки врожаю з городища Битиця І. *Наукові записки з української історії*, 13, с. 79-87.

Терпиловский, Р. В. 1985а. Киевская культура. В: Баран, В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, с. 51-59.

Терпиловский, Р. В. 1985б. Колочинская культура. В: Баран, В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, с. 93-98.

Терпиловский, Р. В. 1994. *Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н. е.* Автореферат дисертації д. і. н. Київ: ІА НАН України.

Терпиловский, Р. В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия. Lublin: UMCS.

Тортика, А. А. 2006. *Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.)*. Харьков: ХГАК.

Третьяков, П. Н. 1953. *Восточнославянские племена*. Москва: АН СССР.

Третьяков, П. Н. 1969. Об истоках культуры роменско-боршевской группировки. *Советская археология*, 4, с. 78-90.

Третьяков, П. Н. 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. В: Третьяков, П. Н. (ред.). *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград: Наука, с. 99-101.

Третьяков, П. Н. 1982. *По следам древних славянских племён*. Ленинград: Наука.

Трубачёв, О. Н. 1993. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Приложения (статьи). *Palaeoslavica*, I, с. 9-40 (282-300).

Трубачёв, О. Н. 2003. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. 2-е изд., доп. Москва: Наука.

Фасмер, М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. 4. 2-е изд. Москва: Прогресс.

Халиков, А. Х. 1988. К вопросу об этносе именьковских племен В: Старостин, П. Н. (ред.). *Памятники первобытной эпохи Волго-Камья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.

Щеглова, О. А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. *Материалы и иссле-*

дования по археологии Днепроовского Левобережья, 1, с. 162-204.

Юренко, С. П. 1983а. *Днепроовское лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. н. э.* Автореферат диссертации к. и. н. Киев: ИА АН УССР.

Юренко, С. П. 1983б. *Днепроовское лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура).* Диссертации к. и. н. Киев: ИА АН УССР.

Юренко, С. П. 1984. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. *Археологія*, 45, с. 34-46.

Юренко, С. П. 1985. Волынцевская культура В: Баран, В. Д. (ред.). *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, с. 116-125.

Юренко, С. П. 1988. Население Днепроовского Левобережья в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура). В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Труды V-го Международного конгресса археологов-славистов, Киев 18—25 сентября 1985 г.* Т. 4, секция 1: Древние славяне. Киев: Наукова думка, с. 97-115.

Dekan, J. 1979. *Velke Morava. Doba a umenie.* Bratislava: Tatran.

REFERENCES

Angelova, St. 1984. Mestni traditsii vav formiraneto na bitovata keramika v Severoiztochna Bulgaria prez VII—X vv. *Godishnik na Sofijskita universitet «Sv. Kliment Ohridski». Istoricheski fakultet*, 77, s. 71-118.

Angelova, St., Doncheva-Petkova, L. 1990. Traditsii v prabalgarskata izlaskata keramika. *Dobrudzha*, 7, s. 62-70.

Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar.* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Artamonov, M. I. 1967. Voprosy rasseleniia slavian i sovetskaiia arkheologiiia. In: Revunenkov, V. G. (ed.). *Problemy vseobshchei istorii: istoriograficheskii sbornik.* Leningrad: LGU, s. 29-69.

Artamonov, M. I. 1969. Etnicheskata prinadlezhnost i istoricheskoto znachenie na pastirskata kultura. *Arheologia*, 3, s. 1-10.

Berezovets, D. T. 1952a. Doslidzhennia na terytorii Putyvl'skoho raionu Sum'skoi oblasti. *Arkheolohichni pam'iatky URSR*, III, s. 242-250.

Berezovets, D. T. 1952b. Kharivskiy skarb. *Arkheolohiia*, 6, s. 109-118.

Berezovets, D. T. 1953. Arkheologicheskie pamiatniki letopisnykh severian. *Kratkie soobshcheniia IA AN USSR*, 2, s. 25-26.

Berezovets, D. T. 1965. Slovi'any y plemena saltivskoi kul'tury. *Arkheolohiia*, 19, s. 47-67.

Berezovets, D. T. 1969. *Severiane (pered obrazovaniem Kievskoi Rusi).* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. Moskva: IA AN SSSR.

Berezovets, D. T. 1975. Livoberezhzhia Dnipra (pam'iatky volyntsevskoho ta romenskoho typiv). In: Bibikov, S. M. (ed.). *Arkheolohiia Ukrainskoi RSR*. III: Rannoslov'ianskyi ta davnoruskyi periody. Kyiv: Naukova dumka, s. 136-150.

Bessarabova, Z. D. 1973. Slavianskie kurgany vtoroi poloviny pervogo tysiacheletiia n. e. s truposozhzhением i der'viannymi sooruzheniiami na terytorii Vostochnoi Evropy. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 15: Materialy po arkheologii Evropeiskoi chasti SSSR ot epokhi rannego zheleza do srednevekovia, s. 65-85.

Bespalchev, V. F. 1911. Polia pogrebenii v Romenskom uezde Poltavskoi gub. In: Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo sieezda v Chernigove*. 3. Moskva: Obshchestvo rasprostraneniia poleznykh knig, s. 214-215.

Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy: istochniki i metody izucheniia.* Moskva: Nauka.

Bobrinskii, A. A. 1989. Metodika izucheniia organizatsionnykh form goncharnykh proizvodstv. In: Molodin, V. I. (ed.). *Keramika kak istoricheskii istochnik.* Novosibirsk: Nauka, s. 10-43.

Bogachev, A., Nabokov, A. 1993. Novye materialy o pogrebalnom obriade rannikh bolgar na Volge. In: Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii.* Samara: Artefakt, s. 13-18.

Bogachev, A. V., Ermakov, S. F., Khokhlov, A. A. 1996. Vypolzovskii I kurgannyi mogilnik rannikh bolgar na Samarskoi Luke. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n. e.* Samara: Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina, s. 83-98.

Braichevskiy, M. Yu. 1955. Novi rozkopky na Pastyrskomu horodyshchi. *Arkheolohichni pam'iatky URSR*, V, s. 73-76.

Braichevskiy, M. Yu. 1968. *Pokhodzhennia Rusi.* Kyiv: Naukova dumka.

Vaklinova, S. 1977. *Formirane na starobalgarskata kul'tura VI—XI vek.* Sofia: Nauka i izkustvo.

Vinnikov, A. Z. 1974. *Slaviane Verkhnego i Srednego Podonia VIII—X vv. (po keramicheskomu materialu).* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. Moskva: IA AN SSSR.

Vinnikov, A. Z. 1984. *Slavianskie kurgany lesostepnogo Dona.* Voronezh: VGU.

Vinnikov, A. Z. 1995. *Slaviane lesostepnogo Dona v rannem srednevekovie.* Voronezh: VGU.

Vinogradskii, Iu. S. 1952. Ranneslavianskie pamiatniki v okrestnostiakh g. Sosnitsy. *Kratkie soobshcheniia IA AN USSR*, I, s. 50-52.

Gening, V. F. 1959. Ocherki etnicheskikh kultur Prikam'ia v epokhu zheleza. *Trudy Kazanskogo filiala AN SSSR*, seriia gumanitarnykh nauk, 2, s. 157-219.

Gening, V. F. 1960. Selishche i mogilnik s obriadam truposozhzheniia do bulgarskogo vremeni u s. Rozhdestveno v Tatarii. In: Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. III. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 80. Moskva: AN SSSR, s. 131-144.

Gening, V. F. 1964. K voprosu ob etnicheskom sostave naseleniia Bashkirii v I tysiacheletii nashei ery. In: Kuzeev, R. G., Salfnikov, K. V. (ed.). *Arkheologiiia i etnografiia Bashkirii*. 2. Ufa: AN SSSR, s. 111-129.

Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u s. Rozhdestveno.* Kazan: KazGU.

Goriunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavian Dneprovskogo Levoberezhia.* Leningrad: Nauka.

Grigorev, A. V. 1988. O romenskoii kul'ture v Srednem Podesene. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Chernigov i ego okrug v IX—XIII vv.* Kiev: Naukova dumka, s. 65-74.

Grigorev, A. V. 1990a. K voprosu o pogrebalnom obriade severian VIII — nachala XI vv. In: *Pitannia arkheologii Sumshchiny. Materiali naukovopraktichnoi konferentsii «Problemy viucheniia i okhoroni pam'iatok arkheologii Sumshchiny».* Sumi, s. 84-91.

Grigorev, A. V. 1990b. Nekotorye zamechaniia po povodu ukrasheniia romenskoii kul'tury. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi. Materialy istoriko-arkheologicheskogo seminara «Chernigov i ego okrug v IX—XIII vv.».* Chernigov 26—28 sentiabria 1988 g. Kiev: Naukova dumka, s. 50-55.

Grigorev, A. V. 2000. *Severskaia zemlia v VIII — nachale XI veka po arkheologicheskim dannym.* Tula: Grif i Ko.

Gumilev, L. N. 1992. *Drevniaia Rus i Velikaia Step.* Moskva: Klyshnikov-Komarov i K.

Dimitrov, D. Il. 1978. Nekropolat pri gara Razdelna. *Izvestia na Narodnia Muzey Varna*, XIV (XXIX), s. 120-152.

Doncheva-Petkova, L. 1977. *Balgarska bitova keramika prez rannoto srednevekovie (vtorata polovina na VI — kraya na X v.).* Sofia: BAN.

Efimova, A. M. 1962. Gorodetskoe selishche i bulgarskoe gorodishche u s. Balymeri Tatarskoi ASSR. In: Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. IV. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 111. Moskva: AN SSSR, s. 25-48.

Zaverniaev, F. M. 1969. Pohepskoe selishche. In: Tretiakov, P. N. (ed.). *Novye dannye o zarubinskoi kul'ture v Podneprove.* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 160. Leningrad: Nauka, s. 88-118.

Kazakov, E. P. 1993. Novye issledovaniia imenkovskikh pamiatnikov na Devichem gorodke. In: Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii.* Samara: Artefakt, s. 102-106.

- Kazakov, E. P. 1998. Kominternovskii II mogilnik v sisteme drevnostei epokhi Tiurkskikh kaganatov. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Kultury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (voprosy khronologii)*. Samara: Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina, s. 97-150.
- Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot 1945—1952 gg.* Trudy Kazanskogo filiala AN SSSR. Seriya humanitarnykh nauk. Kazan: Tatknigiz-dat.
- Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1960. Imenkovskoe gorodishche. In: Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. III. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 80. Moskva: AN SSSR, s. 226-250.
- Kozlovskaya, V. 1928. Sribnyi skarb chasiv velykoho pereselennia narodiv v s. Fatyvizh na Chernihivshchyni. In: Tutkivskiy, P. A. (ed.). *Yuvileinyi zbirnyk na poshanu akademika M. S. Hrushevskoho*. 1. Kyiv: Kyiv-Druk, s. 44-52.
- Kravchenko, N. M., Abashyna, N. S., Horokhovskiy, Ye. L. 1975. Novi pam'iatky I tys. n. e. v Kyivskomu Podniprov'i. *Arkheolohiia*, 15, s. 87-98.
- Lelekov, L. A. 1978. *Iskusstvo Drevnei Rusi i Vostok*. Moskva: Sovetskii khudozhnik.
- Lipking, Iu. A. 1974. Mogilniki tretei chetverti I tys. n. e. v Kurskom Poseime. In: Tretiakov, P. N. (ed.). *Rannesrednevekove vostochnoslavianskie drevnosti*. Leningrad: Nauka, s. 136-152.
- Liubichev, M. V. 1994. Kontakty slavian Dnepro-Donetskogo mezhdurechia i naseleniia Severo-Zapadnoi Khazarii v kon. VII — nach. VIII vv. *Drevnosti. Kharkovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*, 1, s. 74-86.
- Liapushkin, I. I. 1947. O datirovke gorodishch romensko-borshevskoi kultury. *Sovetskaia arkheologiia*, IX, s. 121-136.
- Liapushkin, I. I. 1956. Mesto romensko-borshevskikh pamiatnikov sredi slavianskikh drevnostei. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, 20: Seriya istorii, iazyki i literatura, 4, s. 45-60.
- Liapushkin, I. I. 1959. K voprosu o pamiatnikakh volyntsevskogo tipa. *Sovetskaia arkheologiia*, XXIX—XXX, s. 58-83.
- Liapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezhie v epokhu zheleza*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 104. Moskva; Leningrad: AN SSSR.
- Liapushkin, I. I. 1968. *Slaviane Vostochnoi Evropy nakunne obrazovaniia drevnerusskogo gosudarstva (VIII — pervaiia polovina IX v.)*. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 152. Leningrad: Nauka.
- Mavrodin, V. V. 1940. *Ocherki istorii Levoberezhnoi Ukrainy (s drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV v.)*. Leningrad: LGU.
- Mazhitov, N. A. 1964. Novye materialy o rannei istorii bashkir. In: Kuzeev, R. G., Salnikov, K. V. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii*. II. Ufa: AN SSSR, s. 101-110.
- Makarenko, N. E. 1907. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Poltavskoi gub. v 1906 g. *Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii*, 22, s. 38-90.
- Matveeva, G. I. 1981. O proiskhozhdenii imenkovskoi kultury. In: Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnie i srednevekove kultury Povolzhia*. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, s. 52-73.
- Matveeva, G. I. 1988. K voprosu ob etnicheskoi prinalozhnosti plemen imenkovskoi kultury. In: *Slaviane i ikh sosedi. Mesto vzaimnykh vliianii v protsesse obshchestvenno i kulturnogo razvitiia. Epokha feodalizma (sbornik tezisov)*. Moskva: Nauka, s. 11-13.
- Matveeva, G. I. 1998. Pamiatniki lbishchenskogo tipa — rannii etap imenkovskoi kultury. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Kultury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (voprosy khronologii)*. Samara: Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina, s. 87-96.
- Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzhe v IV—VII vv.: imenkovskaia kultura*. Samara: Samarskii universitet.
- Machinskii, D. A. 1981. Migratsii slavian v I tysiacheletii n. e. (po pismennym istochnikam s privlecheniem dannykh arkheologii). In: Koroliuk, V. D. (ed.). *Formirovanie rannefeodalnykh slavianskikh narodnostei*. Moskva: Nauka, s. 31-52.
- Moskalenko, A. N. 1965. *Gorodishche Titchikha*. Voronezh: VGU.
- Motsia, A. P. 1990. *Pogrebalyne pamiatniki iuzhnorusskikh zemel v IX—XIII vv.* Kiev: Naukova dumka.
- Novoseltsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza*. Moskva: Nauka.
- Pachkova, S. P. 1985. Kultura Poeshti-Lukashevka. In: Baran, V. D. (ed.). *Etnokulturnaia karta territorii Ukrainskoi SSR v I tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 17-25.
- Petrashenko, V. A. 1990. Volyntsevskaiia kultura na Pravoberezhnom Podneprove. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi. Materialy istoriko-arkheologicheskogo seminaru «Chernigov i ego okrug v IX—XIII vv.»*, Chernigov 26—28 sentiabria 1988 g. Kiev: Naukova dumka, s. 47-50.
- Petrashenko, V. A. 1992. *Slovianska keramika VIII—IX st. Pravoberezhzhia Serednoho Podniprov'ia*. Kyiv: Naukova dumka.
- Petrashenko, V. A. 1994. Do problemy arkheolohichnoi interpretatsii litopysnykh polian. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Starozhytnosti Rusi-Ukrainy*. Kyiv: Kyivska akademiia yevrobyznesu, s. 181-187.
- Poulik, I. 1985. Vklad chekhoslovatskikh arkheologov v izuchenie istorii Velikoi Moravii. In: Sanchuk, G. E., Poulik, I. (ed.). *Velikaia Moravia, ee istoricheskoe i kulturnoe znachenie*. Moskva: Nauka, s. 28-49.
- Pryimak, V. V. 1994. *Terytorialna struktura mezhyrichchia Srednoi Desny ta Serednoi Vorskly VIII — pochatku XI st.* Sumy.
- Prykhodniuk, O. M. 1980. *Arkheolohichni pam'iatky Serednoho Prydniprov'ia VI—IX st.* Kyiv: Naukova dumka.
- Prykhodniuk, O. M. 1985. Penkovskaia kultura. In: Baran, V. D. (ed.). *Etnokulturnaia karta territorii Ukrainskoi SSR v I tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 85-93.
- Prykhodniuk, O. M. 1994. Pro kulturno-istorychnyi zmist Khariivskoho skarbu. In: *Problemy rannoslavianskoi i davnorusskoi arkheolohii Poseim'ia. Materialy naukoi konferentsii, prysviacheno 900-richchiu Vyra-Bilopillia*. Bilopillia, s. 6-8.
- Prykhodniuk, O. M. 1998. *Penkovskaia kultura. Kulturno-khronologicheskii aspekt issledovaniia*. Voronezh: VGU.
- Prykhodniuk, O. M. 2001. *Stepove naselennia Ukrainy ta skhidni slov'iany (druha polovyna I tys. n. e.)*. Kyiv: Chernivtsi: Prut.
- Prykhodniuk, O. M. 2005. *Pastyrskye horodyshche*. Kyiv; Chernivtsi: Zelena Bukovyna.
- Rusanova, I. P. 1976. *Slavianskie drevnosti VI—VII vv. (kultura prazhskogo tipa)*. Moskva: Nauka.
- Rybakov, B. A. 1939. Anty i Kievskaiia Rus. *Vestnik drevnei istorii*, 1, s. 319-327.
- Rybakov, B. A. 1987. *Iazychestvo drevnei Rusi*. Moskva: Nauka.
- Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv.* *Arkheologiia SSSR s drevneishikh vremen do srednevekovia*. Moskva: Nauka.
- Sedov, V. V. 1994a. *Ocherki po arkheologii slavian*. Moskva: IA RAN.
- Sedov, V. V. 1994b. *Slaviane v drevnosti*. Moskva: Fond arkheologii.
- Smilenko, A. T., Iurenko, S. P. 1990. Vostochnye slaviane v VIII—IX vv. In: Baran, V. D. (ed.). *Slaviane Iugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period*. Kiev: Naukova dumka, s. 255-309.
- Smirnov, A. P. 1962. Nekotorye spornye voprosy istorii volzhskikh bulgar. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik MGU*, s. 160-168.
- Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imenkovskoi kultury*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-32. Moskva: Nauka.
- Stryzhak, O. S. 1971. *Siveriany. Movoznavstvo*, 1, s. 67-75.
- Sukhobokov, O. V. 1971. Pro deiaki problemy vyvchennia romenskoii kultury. *Arkheolohiia*, 3, s. 37-49.
- Sukhobokov, O. V. 1975. *Slaviane Dneprovskogo Levoberezhia (romenskaia kultura i ee predshestvenniki)*. Kiev: Naukova dumka.
- Sukhobokov, O. V. 1977. Do pytannia pro pam'iatky volyntsevskoho typu. *Arkheolohiia*, 21, s. 50-66.
- Sukhobokov, O. V. 1986. Slavianskie drevnosti poslednei chetverti I-go tys. n. e. Dneprovskogo Levoberezhia. In: Artemenko, I. I. (ed.). *Arkheologiia Ukrainskoi SSR*. 3: Ranneslavianskii i drevnerusskii periody. Kiev: Naukova dumka, s. 191-212.

Sukhobokov, O. V. 1992. *Dniprovskoe Lisostepnoe Livoberezhzhia u VIII—XIII st. (za materialamy arkheolohichnykh doslidzhen 1968—1989 rr.)*. Kyiv: Naukova dumka.

Sukhobokov, O. V. 1998. Etnokulturnaia istoriia Levoberezhnoi Ukrainy I — nachala II tys. *Arkheolohiia*, 2, s. 37-46.

Sukhobokov, O. V. 1999. Do pokhodzhennia ta interpretatsii pam'iatok volyntsevskoho etapu kultury litopysnykh siverian. *Arkheolohiia*, 2, s. 25-39.

Sukhobokov, O. V., Ichenskaia, O. V., Iurenko, S. P. 1976. Novye issledovaniia ranneslavianskogo poseleniia bliz Oposhni. *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g.*, s. 395.

Sukhobokov, O. V., Voznesenskaia, G. A., Priimak, V. V. 1989. Klad orudii truda i ukrashenii s Bititskogo gorodishcha. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Drevnie slaviane i Kievskaiia Rus*. Kiev: Naukova dumka, s. 95-102.

Sukhobokov, O. V., Yurenko, S. P. 1997. Ornamentatsiia volyntsevsko-romenskoho keramichnogo kompleksu. In: Baran, V. D. (ed.). *Problemy pokhodzhennia ta istorychnoho rozvytku slov'ian*. Kyiv: Lviv: RAS, s. 161-176.

Sukhobokov, O. V., Horbanenko, S. A. 2001. Zemlerobski znariaddia z horodyshcha Bytysia-I. *Arkheolohichni litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 2, s. 36-41.

Sukhobokov, O. V., Horbanenko, S. A. 2002. Znariaddia pererobky vrozhaui z horodyshcha Bytysia I. *Naukovi zapysky z ukrainskoi istorii*, 13, s. 79-87.

Terpilovskii, R. V. 1985a. Kievskaiia kultura. In: Baran, V. D. (ed.). *Etnokulturnaia karta territorii Ukrainy SSR v I tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 51-59.

Terpilovskii, R. V. 1985b. Kolochinskaia kultura. In: Baran, V. D. (ed.). *Etnokulturnaia karta territorii Ukrainy SSR v I tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 93-98.

Terpylovskii, R. V. 1994. *Slov'iany Podniprovia u pershii polovyni I tys. n. e.* Avtoreferat dysertatsii d. i. n. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Terpilovskii, R. V. 2004. *Slaviane Podneprovia v pervoi polovine I tysiacheletiia*. Lublin: UMCS.

Tortika, A. A. 2006. *Severo-zapadnaia Khazaria v kontekste istorii Vostochnoi Evropy (vtoraia polovina VII — tretia chetvert' X vv.)*. Kharkov: KHGAK.

Tretiakov, P. N. 1953. *Vostochnoslavianskie plemena*. Moskva: AN SSSR.

Tretiakov, P. N. 1969. Ob istokakh kultury romensko-borshhevskoi gruppirovki. *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 78-90.

Tretiakov, P. N. 1974. Drevnosti vtoroi i tretei chetvertei I tys. n. e. v Verkhnem i Srednem Podesene. In: Tretiakov, P. N. (ed.). *Rannesrednevekovye vostochnoslavianskie drevnosti*. Leningrad: Nauka, s. 99-101.

Tretiakov, P. N. 1982. *Po sledam drevnikh slavianskikh plemen*. Leningrad: Nauka.

Trubachev, O. N. 1993. Etnogenez i kultura drevneishikh slavian. *Lingvisticheskie issledovaniia. Prilozheniia (statii)*. *Palaeoslavica*, I, s. 9-40 (282-300).

Trubachev, O. N. 2003. *Etnogenez i kultura drevneishikh slavian. Lingvisticheskie issledovaniia*. 2-e izd., dop. Moskva: Nauka.

Fasmer, M. 1987. *Etimologicheskii slovar russkogo iazyka*. 4. 2-e izd. Moskva: Progress.

Khalikov, A. Kh. 1988. K voprosu ob etnose imenkovskikh plemen In: Starostin, P. N. (ed.). *Pamiatniki pervobytnoi epokhi Volgo-Kamii*. Kazan: IIALI KFAN SSSR.

Shcheglova, O. A. 1990. O dvukh gruppakh «drevnostei antov» v Srednem Podneprove. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezhia*, 1, s. 162-204.

Iurenko, S. P. 1983a. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezhie v VII—VIII vv. n. e.* Avtoreferat dissertatsii k. i. n. Kiev: IA AN USSR.

Iurenko, S. P. 1983b. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezhie v VII—VIII vv. n. e. (volyntsevskaiia kultura)*. Dissertatsii k. i. n. Kiev: IA AN USSR.

Iurenko, S. P. 1984. Domobudivnytstvo naselennia Dneprovskoho Livoberezhzhia v VIII—X st. *Arkheolohiia*, 45, s. 34-46.

Iurenko, S. P. 1985. Volyntsevskaiia kultura In: Baran, V. D. (ed.). *Etnokulturnaia karta territorii Ukrainy SSR v I tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 116-125.

Iurenko, S. P. 1988. Naselenie Dneprovskogo Levoberezhia v VII—VIII vv. n. e. (volyntsevskaiia kultura). In: Rybakov, B. A. (ed.). *Trudy V-go Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov, Kiev 18—25 sentiabria 1985 g.* T. 4, sektsiia 1: *Drevnie slaviane*. Kiev: Naukova dumka, s. 97-115.

Dekan, J. 1979. *Velke Morava. Doba a umenie*. Bratislava: Tatran.

O. V. Sukhobokov

THE CURRENT STATE OF THE STUDY OF VOLYNTSEVO CULTURE SITES

The presented publication of the manuscript of Oleg Sukhobokov (1937—2008), a famous Ukrainian archaeologist-Slavist, Doctor of historical sciences, Chief Research Fellow of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine is an important contribution to the historiography of Volyntsevo sites. Relying on his own extensive experience in scientific and field research of Slavic sites of the Left Bank of Ukraine, the author presents his vision of the most important and debatable problems of the study of Volyntsevo sites: the origin and ethnic attribution, dating and chronology, their place in the cultural-stratigraphic column of a sites of the Dnieper Left Bank of the middle to the late 1st millennium. During the more than 40-year period of field archaeological work, the scholar discovered and studied a number of important archaeological sires of the Dnieper Left Bank, in particular, the unique early Siverians settlement Bytysia on the Psel River (1984—1991, 1993).

The Bytysia hill-fort takes a special place among the Volyntsevo settlements: its topography (on a cape), considerable size (ca. 11 ha), wood and earth fortifications, a large number (up to 60 %) of pottery, together with an unprecedented number for early Slavic sites of agricultural implements, craft tools and weapons, two hoards, etc. All of this allowed Dr. Sukhobokov to raise issues on the social and ethnocultural content of this site, which is different from that of most Volyntsevo sites, to consider the Bytysia hill-fort the administrative, trade and craft center of the Siverians tribal union.

In the presented material the considerable attention is paid to the substantiated, based on a wide source base refutation of the hypothesis by V. V. Sedov that the population of the Imenkovo culture of the Middle Volga region became the substratum of the Volyntsevo culture of the Middle Dnieper region. At the same time, the author emphasizes the influence of the «alien cultural impulse» from the Turkic or Iranian-speaking peoples who were the part of the Khazar Khaganate and were quickly assimilated by the Slavic (Siverians) environment, which manifested itself in the originality of the ceramic complex of the Volyntsevo people, who considered by Dr. Sukhobokov as early stage of the chronicled Siverians.

Keywords: Volyntsevo and Imenkovo cultures, Bytysia, Siverians, Romny culture, alien cultural impulse, Khazar Khaganate.

Одержано 14.06.2022

СУХОБОКОВ Олег Васильович (1937—2008), доктор історичних наук, Київ, Україна.

SUKHOBOKOV Oleh (1937—2008), Doctor of History, Kyiv, Ukraine.